

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

**Сборник научных трудов по итогам международной
научно-практической конференции**

**г. Ростов-на-Дону
2014г.**

УДК 009(06)
ББК 6/8я43

Новые тенденции развития гуманитарных наук/Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2014.46с.

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Новые тенденции развития гуманитарных наук» (г. Ростов-на-Дону) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

© ИЦРОН, 2014 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00).....	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
«РЕВИЗОР» ГОГОЛЯ НА РУССКОЙ СЦЕНЕ	
Царькова Е.Г.	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02).....	8
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	8
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	8
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	8
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06).....	8
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	9
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	9
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	9
ФЕНОМЕН АНСАМБЛЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	
Щербакова А.И.	9
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ	
ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03).....	11
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	12
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	12
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	12
ЭЛЕГИЯ В.А.ЖУКОВСКОГО «СЛАВЯНКА» КАК ПЕЙЗАЖНАЯЭКФРАЗА	
Шведова С.О.	12
СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ	
ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02).....	15
СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	15
THE LANDMARKS OF MODERN AMERICAN LIFE IN THE NOVEL “ONE FIFTH AVENUE” BY	
CANDACE BUSHNELL	
Novoseltseva L.A.	15
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОЛИТЕРАТУРЫ	
Гречишкина С.В.	17
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08).....	21

СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09).....	21
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)	22
ДРАЙЗЕР. ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОГО ГУМАНИСТА	
Игошина О.А., Крисанов А.Н.	22
КАК ПРАВИЛЬНО ПО ПРАВИЛАМ	
Грановская Н.А.	24
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00).....	25
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01).....	25
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОЛИТИКА – ЭТО НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО» В	
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Л.Д. ТРОЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ «ИСТОРИЯ РУССКОЙ	
РЕВОЛЮЦИИ»)	
Макимова Ю.А.	25
О СПОСОБАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В	
РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
Сандакова М.В.	28
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ	
ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02).....	30
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)	30
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)	30
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СКАЗОЧНО-ФАНТАЗИЙНОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ	
НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ	
Тананыхина А.О.	30
СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	33
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14).....	33
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	33
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	
Харькова Е.В.	33
СЕКЦИЯ №23.	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ	
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	36
ИЗОМОРФИЗМ УЧЕБНО-ДИДАКТИЧЕСКИХ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ ТЕКСТОВ РАЗДЕЛА	
«ЧТЕНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ИСПЫТАНИЙ ТРКИ-2, ЕГЭ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	
И FCE)	
Кисельников А.С.	36
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И СУБКУЛЬТУРА	
Гараева Л.М.	41
СЕКЦИЯ №24.	
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	43

СЕКЦИЯ №25. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	43
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2014 ГОД	44

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

«РЕВИЗОР» ГОГОЛЯ НА РУССКОЙ СЦЕНЕ

Царькова Е.Г.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г.Саратов

Николай Васильевич Гоголь видел в театре огромную воспитательную, преобразующую силу, способную сплотить тысячи людей и заставить их «вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом» [2]. Театр для него был школой добра. Драматург понимал, что сущность психологии театра состоит в этом общем переживании. И если автор пренебрегает этим законом, ему грозит равнодушие зрителей. Но если он сможет употребить все свои духовные и творческие силы для того, чтобы создать волнующие всех образы, он обретет огромную власть над театральной публикой. Поэтому, когда Гоголь приходит в русскую культуру в 1830-е годы, он сразу становится центральной фигурой художественной жизни XIX столетия. С его драматургией рождаются новые связи автора и зрителя-читателя, происходит эстетический сдвиг, как в восприятии искусства, так и в восприятии жизни, как его источника.

Ни театр, ни публика, ни критика в целом не поняли сразу новаторской поэтики драматурга. В театре того времени человек привык чувствовать, волноваться за героев исторических драм, следить за ловким развитием легкомысленного сюжета водевиля, сострадать персонажам слезной мелодрамы, уноситься в миры грез и фантазий, но не размышлять, не сопоставлять, не задумываться. Гоголь, предъявляя к спектаклю требование быть основанным на важных общественных конфликтах, правдиво и глубоко раскрывать явления жизни, насыщая свои произведения болью за человека, ждал от зрителя невольного, неожиданного смеха, порожденного «ослепительным блеском ума» и обращения к себе, узнавания самих себя в этих «безгеройных» персонажах. Он заговорил на другом эстетическом языке.

Театр первой половины XIX века показывал мир яркий, страстный, полный подвигов и невероятных событий. Гоголь вводит в театр реальную жизнь, взрывает спокойное бесконфликтное сознание зрителей. Драматург обновляет природу конфликта: доминирующий любовный он заменяет социальным. И поскольку фальшь, пошлость, невежество, взяточничество, грубость нравов распространены повсеместно, даже добродетельный человек живет с мертвой, пустою душою, то мир гоголевских комедий лишается положительного героя, оказывается миром однородного зла или посредственности. Лишь смех остается единственным честным и в то же время карающим лицом. Гоголевский смех направлен на нас самих, на каждого из нас, смех очищающий и просветляющий, смех сквозь слезы. Зритель должен был, по замыслу Гоголя, найдя в себе черты Хлестакова или Чичикова, мужественно противостоять духовной тьме, привести себя к христианскому идеалу.

Гоголь видит смысл искусства в служении своей земле, в очищении от «скверны», а способ усовершенствования общества – в нравственном самоусовершенствовании личности: в требовательном отношении к самому себе, в ответственности каждого за свое поведение в мире.

Современный Гоголю театр не ставил еще перед собой таких задач. Поэтому не удивительно, что первые постановки «Ревизора» вызвали массу споров и неоднозначных откликов. Театр не знал еще такой драматургии и не понимал, как ее играть. Актеры, пользуясь приемами сценического существования в водевиле, пытались насмешить публику карикатурными гримасами или кривлянием. В то же время спектакли ставились всерьез, и заняты в них были замечательные актеры.

Премьеры спектакля состоялись в 1836 году сначала в Санкт-Петербургском Александринском театре, затем в Московском Малом театре.

Реакция в Петербурге на «Ревизора» была очень разной. Но при этом у большинства зрителей она вызывала недоумение.

Сам Гоголь был очень недоволен постановкой, несмотря на его личное участие в работе над спектаклем. Он опасался, что актеры начнут играть карикатурно, преувеличенно. Беспокоило автора и отсутствие репетиций в костюмах. Так, драматург хотел видеть Щепкина и Рязанского в ролях Бобчинского и Добчинского, опрятными,

толстенькими, с прилично приглаженными волосами. На премьере актеры вышли на сцену с взъерошенными волосами, выдернутыми огромными манишками, нескладными, неопрятными. Актер Н.О. Дюр представил Хлестакова традиционным плутом, водевильным шалуном. Лишь городничий в исполнении И.И. Сосницкого понравился Гоголю. Огорчила Гоголя и «немая сцена». Он хотел, чтобы онемевшая мимика окаменевшей группы две-три минуты удерживала внимание публики до закрытия занавеса. Но театр не давал этого времени на «немую сцену».

Но главная причина недовольства Гоголя заключалась даже не в фарсовом характере спектакля, а в том, что при карикатурной манере игры сидящие в зале воспринимали происходящее на сцене без применения к себе, так как персонажи были утрированно смешны. Между тем замысел Гоголя был рассчитан как раз на противоположное восприятие: вовлечь зрителя в спектакль, дать почувствовать, что город, обозначенный в комедии, существует не где-то далеко, а в той или иной мере в любом месте России. Гоголь обращается ко всем и каждому: «Чему смеёте? Над собой смеётесь!».

В Москве первое представление давалось для аристократической публики, которую «Ревизор» «не занял, не тронул, только рассмешил слегка» [2]. Несмотря на это спектакль продолжал ставиться. В Москве не подчеркивали водевильных и фарсовых моментов – на первый план театр выдвинул ее идейно-обличительное содержание.

Уже первые спектакли дали два направления трактовки комедии, с которой мы сталкиваемся и сегодня: фарсовое и социально-обличительное.

Необходимо отметить и рожденные в то же время традиции прочтения одной из ведущих ролей – роль городничего Сквозника-Дмухановского в исполнении Ивана Ивановича Сосницкого и Михаила Семеновича Щепкина. Сосницкий подчеркивал больше то, что драматург говорил о благообразии, уравновешенности, внешнем приличии своего героя («хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно»); Щепкин – то, что касалось его природной грубости, резкого перехода «от страха к радости, от низости к высокомерию». Всем преемникам их приходилось только выбирать, кому из двух образов следовать. Так, например, москвич Иван Васильевич Самарин, по свидетельству современника, «придерживался щепкинской традиции». Пример взаимодействия – трактовка роли Городничего Владимиром Николаевичем Давыдовым [4].

В первые годы революции, по свидетельству историков театра, «Женитьба» и «Ревизор» являются самыми репертуарными пьесами и стоят на первом месте по количеству постановок и числу зрителей.

В 1920 году «Ревизор» был возобновлен на сцене Государственного академического театра драмы (бывш. Александринский). Этот спектакль, еще во многом обремененный штампами, замечателен тем, что в нем принимали участие прославленный русский актер В.Н. Давыдов (городничий) и Кондрат Яковлев (Осип).

Значительным событием в жизни советского театра, во многом определившим современное истолкование классики, явилась новая постановка «Ревизора» на сцене Московского Художественного театра (премьера 8 октября 1921 года).

У старого театра не было средств выявить гоголевское обобщение «Ревизора» как «картины и зеркала нашей общественной жизни», обобщенную в форме высокой комедии. Оно впервые появилось в театре Мейерхольда, в форме большого спектакля и мощной сценической поэмы.

Постановка «Ревизора» Мейерхольдом вызвала массу обвинений в издевательствах над классикой. Режиссер смонтировал текст из всех шести редакций пьесы, присоединил отрывки из Собачкина, Кочкарёва, «Мертвых душ» и «Игроков» [5].

«Ревизор» Мейерхольда создан как большой спектакль с монументальной архитектурой. Этим спектаклем он утверждает самостоятельность сценического искусства как творческого театра.

Режиссер поставил перед собой художественную задачу показать мир старой России как кунсткамеру, как кривое зеркало, в котором гипертрофированно отражаются самые уродливые его моменты. Поэтому так логично сочетались в спектакле крайний символизм и реалистичность изображения. Атмосфера спектакля должна была быть страшно-смешной, чтобы публика смеялась над персонажами, но никогда не захотела их возвращения в мир живых. Пространственное решение сцены, освещение, пластика актеров – все сделано так, чтобы изображаемый мир казался ирреальным, чуждым, и вместе с тем «до безобразия живым».

Спектакль был насыщен богатыми деталями и в то же время поражал ясностью и простотой основных композиционных приемов. Так, например, все сцены с чиновниками, в основу которых положено хоровое начало, проведены на затемненной сцене, при свете свечей, отражающемся в лакированной под красное дерево задней перегородке с 15-ю дверьми. Все женские сцены – разработаны под ярким светом прожектора, с четко выделенными деталями, разоблачающими безудержный порыв к «цветам удовольствия», который владеет сердцами эгоистичных дам и барышень разложившейся семьи чиновника.

Постепенное нарастание динамики спектакля ведет к грандиозной концовке – к «немой сцене». В этой финальной части Мейерхольд целиком овладевал вниманием зрителя и заставлял его воспринимать «немую сцену», которая всегда и во всех театрах оставалась неразыгранной до конца. Мейерхольд находит блестящее разрешение: в последней мизансцене персонажи заменялись двойниками-манекенами. Куклы образуют «окаменевшую группу» – ироническое воплощение николаевской Руси, с ее Держимордами и «свинными рылами» чиновничества и бюрократизма. И эта задача разрешена Мейерхольдом монументально, с мощным размахом поэтической фантазии и уверенными средствами, превращающими замысел в реальное художественное творение.

Значение его в нашей театральной жизни огромное и исключительное, потому что «Ревизор» Мейерхольда есть сигнал к поднятию уровня советского театрального искусства, переживающего в первой четверти XX века опасный и глубокий кризис. Он открывает собою дискуссию о значении театрального мастерства в обстановке становления молодого советского государства.

Таким образом, каждая эпоха видела в «Ревизоре» Н.В. Гоголя свое отражение. Насколько смелыми были театральные деятели, настолько правдивым получался спектакль: от водевильно-фарсового петербургского представления, через смелую щепкинскую постановку Малого театра, обывотвленную МХТ, социально-заостренные прочтения 1917-20-х гг., к гиперболизированному зеркалу В. Мейерхольда.

Список литературы

1. А. Б. В. (Надеждин? Н.И. (?)) Театральная хроника // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. С. 316 – 322.
2. Гоголь, Н.В. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности: (Письмо к гр. А. П. Т.....му) // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937-1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 267 – 277.
3. Загорский, М.Б. Гоголь и театр / Составитель и автор комментариев М. Б. Загорский; общая редакция Н. Л. Степанова. М.: Искусство, 1952. 568 с.
4. Манн, Ю.В. Сквозник-Дмухановский в двух ликах // Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 579 – 586.
5. Слонимский, А.Л. Новое истолкование «Ревизора» // «Ревизор» в театре имени Вс. Мейерхольда: Сборник статей А.А. Гвоздева, Э.И. Каплана, Я.А. Назаренко, А.Л. Слонимского, В.Н. Соловьева / Издание подготовлено Е.А. Кухтой и Н.В. Песочинским, отв. ред. Н.А. Таршис. [Переиздание 1927 года.] Спб., 2002. С.7 – 20.

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

**СЕКЦИЯ №7.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)**

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

**СЕКЦИЯ №8.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)**

ФЕНОМЕН АНСАМБЛЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Щербакова А.И.

Российский государственный социальный университет, г.Москва

«Если человечество ... не изменит кардинальным образом свое поведение в планетарном масштабе, то уже в середине XXI века могут возникнуть такие условия, при которых люди существовать не смогут».

Н.Н.Моисеев

«...праздник сердца – найти себя в другом, увидеть лучшее своего сердца в зеркале сердца иного. И разбить стену разъединяющую – это радость души алмазно-острая, это истинный праздник сердца».

К.Бальмонт

На современном этапе своего развития человечество пошло по пути техногенного характера прогресса, реализующего традиционную для такого типа культуры идею о покорении природы и подчинении ее активной человеческой воле. Гармоничный ансамбль человека и природы ушел в далекое прошлое, провоцируя обострение экологических и демографических проблем и создавая реальные предпосылки для возникновения и развития цивилизационных кризисов. Однако, основные постулаты эллинистической этики, провозгласившие в качестве важнейшего свойства человека умение постичь, познать самого себя, понять уникальность и неповторимость собственной личности, научиться жить в согласии с собственным «Я» и быть, благодаря этому, счастливым, представляются тем более актуальными и сегодня.

Из глубины веков феномен ансамбля как выражения потребности в гармонии бытия, как попытки преодоления антитентичного противостояния в дихотомии «человек и мир», как устремленности к «всеобщей духовной связи» (Платон) освещается в философских работах мыслителей древней Греции и Рима, Китая, Индии, арабского Востока. Философское, мировоззренческое осмысление ансамбля как феномена в пространстве культуры позволяет утверждать, что он коренится в сущностной природе человека, стремящегося к «соучастному бытию» (М.Бахтин).

Однако, как справедливо замечает В.Канке, сегодня «проблема состоит в том, что власть над природой, над социально-экономическими и политическими процессами, которой располагают человеческие сообщества, сочетаются с беспомощностью в понимании внутреннего мира отдельного человека и в бессилии влиять на него» (4,4). В этой ситуации перед человечеством встает целый ряд проблем, решение которых связано с поиском гармонии как внутри личности, так и в социуме, поиске путей к *со-единению*, *со-звучию*, естественному, плодотворному и созидательному существованию в партитуре бытия, к физическому, социальному и духовному ансамблю, не противоречащему вечным ценностям культуры.

Понятие «ансамбль» пришло в Россию из французского языка. Ensemble означает вместе. В музыке – это группа исполнителей, объединенных созданием единого творческого продукта: интерпретацией музыкальных сочинений, написанных или переложенных для определенного состава. В архитектуре – комплекс строений, объединенных между собой единым художественным решением и гармонично вписанных в окружающее пространство. В области моды – комплект одежды и украшений, подчеркивающий как красоту созданного художником - модельером творения, так и неповторимость и своеобразие модели, демонстрирующей это творение. Во всех видах художественного творчества понятие «ансамбль» связано с созданием целостного художественного пространства, с устремлением к эстетическому идеалу, с поиском истины и гармонии, с созданием Красоты.

К ансамблю, гармоничному сосуществованию в едином пространстве стремится и современное прагматическое общество, связывая с ним надежду на процветание и призывая специалистов в разных областях деятельности к умению работать в команде, уважать мнение коллег, быть терпимыми и толерантными во имя достижения успеха в общем деле. Этой проблеме посвящены многие работы по менеджменту и персональному менеджменту, маркетингу и деловой этике, культуре общения и способам преодоления конфликтов.

По отношению к внутреннему миру человека понятие «ансамбль» оказывается еще более значимым, так как определяет целостность его мироощущения, его духовное здоровье. Это понятие является составляющей физической, социальной и духовной сторон личности, определяет уровень ее самооценки, влияет на технологию и психологию деятельности, содержательные характеристики самоотношения, формирование личностных смыслов и структуру самосознания. Понятие «ансамбль», рассматриваемое с философской, психологической, культурологической, педагогической позиций, открывает возможности для осмысления социальных и социально-психологических механизмов формирования идентичности личности, одной из важнейших и сложнейших проблем становления человека в современном социокультурном пространстве.

Поиск ансамбля во взаимодействии внутреннего мира человека как физической, социальной и духовной личности значительно обостряется в периоды социальных кризисов, смены идеологических стереотипов, изменений в структуре общественных отношений. Именно в такие периоды проблема самоидентификации личности становится особенно острой, поскольку «в таких обстоятельствах мир для человека и человек для самого себя перестают быть прозрачными, понятными, знакомыми» (6, 641).

Потеряв «свой тон» в партитуре бытия, переставая «звучать» в едином «аккорде», человек, по мнению философа Л.Ионина, «перестает отражаться в зеркале социального мира» (6, 641), теряет способность вести себя так, чтобы окружающий мир адекватно реагировал на него. «Реплики», которые он подает своим партнерам по взаимодействию, не вызывают у них ответной реакции, коммуникативные связи нарушаются, рождая чувство неуверенности, страха, апокалипсических ожиданий.

Чрезвычайно остро воспринимается эта проблема в юности, которую Э.Эриксон связывает с кризисом идентичности. Юность - это период жизни, когда молодой человек ищет свой путь к целостности. Невозможность преодоления такого кризиса, создания гармонично «звучащего ансамбля» между собственным внутренним миром, потребностями и надеждами на их осуществление и реальностью, отсутствие готовности к включению в процесс социального и духовного взаимодействия ведут к отчуждению, внутреннему саморазрушению, потере ориентиров, а порой и к принятию роковых решений: уходу из жизни, отказу от нее из-за возникшей трагической дисгармонии.

Проблема отчуждения и дегуманизации бытия становится в эпоху техногенной культуры основной для философской мысли. Осмысление ансамбля как феномена в пространстве культуры, выражающего устремленность к всеобщности, единению, синтетически-диалогическому общению, имеет право на вхождение в контекст исследований по социологии и культурной антропологии, эстетики и этики, теории познания и психологии, культурологии, педагогики. Понятие «ансамбль», рассматриваемое с позиции философской мысли, обретает явно выраженную аксиологическую составляющую, позволяя интерпретировать его как духовную ценность, определяющую направленность в становлении личности на проникновение «вчувствование» в мир культуры во всей его полноте и многообразии.

Ансамбль несет в себе устремленность к эмпатии – сопереживанию, соучастию, воспитанию нравственности, рождению коллективистских гуманных чувств, а следовательно, *со-бытию* как возможности сотворческого преобразования культуры, стремящейся к синтезу накопленного человечеством духовного потенциала. Осмысление духовного ансамбля как осознание необходимости выработки стратегии вхождения в мир, принятия его, достижения сущностного единства личности и Универсума является условием для выхода на уровень диалога культур и мировоззрений, позволяющим преодолеть проблему «воинствующего имморализма» (В.Канке), с которой сталкивается человек Нового и Новейшего времени.

Формирование «чувства ансамбля» как способности к творчески-созидательному диалогу в пространстве культуры сегодня можно рассматривать в качестве социального заказа, поскольку гармоничное, духовно наполненное бытие возможно только при обладании высоким потенциалом, обуславливающим развитие аксиологических, эмоционально-когнитивных, художественно-творческих компонентов структуры личности.

Способность к постижению «других» жизней, культур, приобщению к ним, признание «чувства ансамбля» интегральным свойством духовности личности, обеспечивающим целостность ее мироощущения и мироотношения, аксиологическую мировоззренческую позицию, является значительным шагом в познании и самопознании человека на современном этапе исторического развития. Значительную роль в достижении такого ансамбля играет музыка как особый вид искусства, способный преодолевать пространство и время, языковые и этнические барьеры, межконфессиональные противоречия. Вовлечение в семиосферу и аксиосферу

музыкального искусства различных культур, создание творческого ансамбля, отвечающего призыву «объединитесь, миллионы!», открывает реальные пути для взаимопонимания, взаимозаинтересованности, эмпатии, способствующих расцвету человечества, разворачиванию спирали его развития в сторону саморазвития и самосовершенствования.

Таким образом, осознавая синергетическую взаимосвязанность бытия, необходимость гармоничного сосуществования на планете Земля различных культур, религий, ценностных систем, мы вправе сегодня интерпретировать понятие «ансамбль» как категорию не только эстетическую, несущую в себе гармонию, соразмерность, сочетание художественных тенденций и направлений, но и как категорию этическую, заключающую в себе обращенность к универсальному диалогу, который один из самых значительных российских философов современности М.Каган рассматривает «как оптимальный тип отношений человека и человека, классов, наций, государственных систем, людей и природы, современности и прошлого самой культуры». (3, 535). Философ убежден, что диалог является альтернативой самоубийства человечества.

Только в ансамбле, когда все участники вслушиваются в «звучание» партнера по коммуникации, когда «Другой» интересен им именно потому, что «звучит» в своем неповторимом тоне, когда создана атмосфера ценностного взаимодействия между всеми «участниками ансамбля», возможен поиск «диалогической истины» (М.Бахтин), единственно возможный путь для человека как «творца и творения культуры» (М.Каган). Только слаженный на планетарном уровне ансамбль, рождающий эмпатию, создающий предпосылки для «духовной коммуникации» (Л.Надилова) народов, культур, религий, философских учений, для обмена достижениями в области науки и техники дает основания надеяться на преодоление цивилизационных кризисов, позволяет рассматривать оптимистические жизнеутверждающие прогнозы дальнейшего хода развития человечества, определяет пути, плодотворные для сохранения и приумножения духовных ценностей, накопленных на протяжении всей его многовековой истории.

Список литературы

1. Гуревич П.С. Философия человека. – М.:РАН, 1999.
2. Ильичёва И.М. Духовность в зеркале философско-психологических учений (от древности до наших дней). – М.: НПО «Модэк», 2003.
3. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – С-П.: Петрополис, 1997.
4. Канке В.А. Этика ответственности. Теория морали будущего. – М.: Логос, 2003.
5. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. – М.: Per Se, 2001.
6. Психология самосознания //Ред.сост. Д.Я.Райгородский. – Самара: Изд. Дом БАХРАХ – М, 2000.

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ЭЛЕГИЯ В.А.ЖУКОВСКОГО «СЛАВЯНКА» КАК ПЕЙЗАЖНАЯЭКФРАЗА

Шведова С.О.

РГПУ им. А.И.Герцена, г.Санкт-Петербург

О поэтической прогулке по Павловскому парку, запечатленной в «Славянке» В.А.Жуковского, писали много и интересно, от В.Г. Белинского до Д.С.Лихачева [Лихачев] и современных исследователей [Савицкий]. В центре внимания в основном оказывался вопрос о том, как эстетические принципы садово-паркового искусства эпохи Романтизма преломились в лирическом шедевре Жуковского, с какими идеями художественной философии своего времени он связан. Хорошо изучена и связь «Славянки» с традицией пейзажной медитативной элегии, в том виде, в каком она сложилась в европейской предромантической поэзии во второй половине XVIII – начале XIX вв. и в раннем элегическом творчестве самого Жуковского [Вацура]. Жанровая традиция, о которой идет речь, была хорошо разработана, обладала высокой мерой устойчивости и воспроизводимости. Одна из характерных ее черт – закреплённая взаимосвязь элементов художественной структуры стихотворения на мотивно-тематическом, лексико-стилистическом, фонетическом и семантическом уровнях. Поэтому и такой важный компонент медитативной элегии, как пейзаж, был в гораздо большей степени обусловлен культурно-поэтическими ассоциациями, чем эмпирическими факторами. Иными словами, его создание вовсе не предполагало опоры на реальный пейзаж; эмпирический материал, не имея прямого доступа в поэтический текст, тщательно сублимировался, опосредовался элегической топикой.

Однако в «Славянке» и заглавие, и развернутое авторское примечание, воспроизводившееся во всех прижизненных изданиях стихотворений Жуковского, создают установку на узнавание реального пейзажа Павловского парка. Сложность в том, что здесь в качестве референта выступает не рядовой эмпирический объект, но целостный природно-архитектурный ансамбль, произведение садово-паркового искусства, хорошо знакомое многим читателям (т.е. парк в качестве предметной реальности и «текста» культуры одновременно). С этой точки зрения элегия Жуковского может быть рассмотрена как экфраза – литературное произведение, содержащее описание визуального произведения искусства. В связи с этим возникают вопросы: в каком соотношении предстают в «Славянке» визуальный «претекст» (произведение садово-паркового искусства) и литературная традиция? как взаимодействуют в элегии Жуковского эмпирический и культурно-поэтический уровни смыслообразования?

Первое, что бросается в глаза – вопреки распространенным представлениям [Савицкий: 51 – 58], поэтическая прогулка вовсе не воспроизводит *последовательности* реальных перемещений путника в окрестностях реки Славянки. Она начинается в месте, где река делает несколько сильных изгибов («Иду под рощею излучистой тропой; / Что шаг, то новая в глазах моих картина» [Жуковский: II, 20], т.е. где-то в окрестностях дворца (строфы 1 – 3), затем лирический субъект внезапно оказывается на восточной стороне в лесной чаще Новой Сильвии и созерцает Мавзолей Павла I (строфы 4 – 13), идет по долине (строфа 14) и столь же внезапно перемещается в отдаленную от Мавзолея часть парка – район Большой звезды на северо-западе, где в окружении деревень Тярлево и Глазово располагалась Ферма – мыза (небольшая усадьба, в данном случае молочное хозяйство), любимая затея вдовствующей императрицы Марии Федоровны (строфы 15 – 17). (Обратим попутно внимание на то, что, несмотря на упоминание села «над ясною рекой», в районе Большой звезды реки нет, а есть система прудов, переходящих друг в друга). Вслед за этим он снова оказывается гораздо южнее, в долине реки Славянки на левом, западном ее берегу (строфа 19) и созерцает постройки, которые могли располагаться лишь в Старой Сильвии и центральном районе – отраженный в водах мавзолей (строфа 20) и храм, мелькающий между деревьев (строфа 21). Здесь пространственные ориентиры Жуковского не рассчитаны на буквальное понимание – Памятник родителям Марии Федоровны, который современники поэта также

именовали мавзолеем [Свиньин:157, Шторх], располагается несколько в стороне от восточного берега реки и не отражается в ней, а Храм Дружбы, наоборот, ясно виден на расстоянии, отражен в окружающих его водах. Если прибавить к этому, что река является «гладким озером» (строфа 22) перед Висконтиевым мостом, около Круглого озера (т.е. *на пути* от мавзолея к храму, а не тогда, когда храм остался *позади*), что вслед за этим как бы возвратным движением (если представить реальную прогулку) по восточному берегу наблюдатель вновь оказывается на западном и гораздо южнее, созерцая «пышный дом царей на скате озлащенном», т.е. дворец (строфа 24), посещает Семейную рощу за дворцом на восточном берегу (строфы 27 – 30), а в конце прогулки вновь оказывается в районе Двенадцати дорожек в Старой Сильвии, где в 1815 году был поставлен не сохранившийся ныне мраморный памятник великой княгине Александре Павловне (строфы 34 – 35), то становится понятно, что автор вовсе не ставит своей задачей воссоздать реальную топографию Павловского парка, и точки зрения в элегии столь же «условно расположены в пространстве и времени», как и в более позднем стихотворении Павловского цикла – послании «Государыне Императрице Марии Федоровне» (1819) (Жуковский:II, 566;Н.Вётшева).

Второе, что обращает на себя внимание при сопоставлении поэтической топографии Жуковского с реальной – пропуск целого ряда художественных объектов, формирующих «текст» Павловского парка. На пути лирического субъекта должны были оказаться мосты, статуи, архитектурные сооружения, находящиеся в непосредственной близости от упоминаемых в элегии объектов. Может показаться, что исключению подверглись в первую очередь те из них, которые связаны с античной мифологией и классическим наследием (статуи Аполлона и муз, мост Кентавров, Зеленый и Каменный амфитеатры, колоннада Аполлона), поскольку они вступали в противоречие с романтической направленностью элегии и не рождали желаемых меланхолических эмоций. Однако и постройки в «средневековом» духе – Пиль-башня, каскад-Руина, Шале, Новосильвийский, Пильбашенный, Краснодолинный мосты – также остаются вне поля зрения элегического путешественника у Жуковского. Совершенно очевидно, что отбор значимых реалий продиктован вовсе не эмпирической логикой, однако и не «поэтикой» романтического парка как такового, для которого принцип разнообразия (хотя и по-новому трактованный) отнюдь не утратил своего значения, но своеобразием именно Павловского парка, который «устраивался на первых порах как парк личных воспоминаний» императрицы Марии Федоровны [Лихачев: 290]. Поэтому в основу предметного ряда элегии положены именно те элементы художественного убранства Павловска, которые в наибольшей степени были связаны с этими воспоминаниями: Мавзолей «Супругу-благотетлю», Ферма, Семейная роща, памятник одной из дочерей; даже дворец фигурирует здесь в своем «неофициальном» качестве, как «дом царей».С осени 1815 года, когда создается элегия, начинается сближение Жуковского с «малым двором» Марии Федоровны, однако поэтизация в «Славянке» близких сердцу императрицы уголков Павловского парка вовсе не была проявлением сервиллизма, столь часто свойственного придворным поэтам. «Всё это <любимые места императрицы – С.Ш.>было не только декорацией, но особой идеальной картиной мира, в котором взаимопроницаемыми оказывались природа, культура и быт, этикет и творческая свобода» [Жуковский:II, 532;Н.Вётшева].Сентиментально-утопические интенции создателей Павловска оказывались созвучныэстетической утопии самого Жуковского, в творчестве которого именно начиная со «Славянки» оформляется концепция гармонизации жизни, человеческих отношений через поэзию и искусство. П.А.Вяземский очень точно передал ее суть в одном из писем А.И.Тургеневу: «Этот обер-чорт Жуковский. <...>. Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем – так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфиородную, я постичь этого не могу! <...> Возьми его „Славянку“, стихи к великой княгине на рождение, стихи на смерть другой. Он после этого точно может с Шиллером сказать: *И мертвое отзывом стало // Пылающей души моей...*» (выделено Вяземским – С.Ш.)[Цит. по: Жуковский: II, 528 – 529; А.Янушкевич].

С другой стороны, отбор, компоновка, характер преломления эмпирического материала в «Славянке» не могут быть объяснены вне жанровой формы пейзажно-медитативной элегии, о которой уже упоминалось выше. Непосредственной предшественницей «Славянки» была элегия «Вечер» (1806), которая «является опытом сознательного „перевода“ реального, конкретного, биографического плана бытия в условно-идеальный, синтезирующий общекультурные образцы и формулы в непосредственное лирическое настроение» [Жуковский:I, 466; Н.Вётшева]. «Вечер», в свою очередь, продолжал «Сельское кладбище» (1802). Поэтому типовые формы «кладбищенской элегии» легко опознаются в хронотопе последующих медитативных опытов Жуковского. Поэтика «кладбищенской элегии» предполагает обязательную развернутую экспозицию, которая строится на чередовании вечерних пейзажей двух типов: идиллического, восходящего к традиции *beatusille* (в переводе с лат. стиха Горация – «блажен тот, кто вдали от дел») – похвалы сельской жизни– и кладбищенского/готического (связанного в элегии не столько со страшным, сколько с печальным) [Вацуро: 48 – 65].За каждым из этих слагаемых закрепляется свое предметное, ассоциативное, эмоциональное содержание, а их смена манифестирует

принцип ступенчатого развития лирической медитации: от наслаждения спокойной сельской жизнью к печали, вызванной необратимостью смерти – далее к преодолению конфликта через демонстрацию морально-этического идеала *beatus ille*, затем следуют новое обострение темы смерти в обязательном мотиве безвременной гибели юноши-поэта и финальный примирительный аккорд-эпитафия. Названные мотивно-стилистические комплексы легко опознаются и в «Славянке». Так, описание Мавзолея Павла Иварьерирует кладбищенский топос с присущими ему пейзажными компонентами (мотивы дичи, глуши, мрака, пустынности; эпитет «гробовые», отнесенный к елям), кладбищенской эмблематикой, темами бренности жизни, эмоцией «томного уныния». Внезапно возникающая вслед за этим картина светлой мызы (Фермы) и спокойной жизни села воплощает противоположный по тональности идиллический топос, репрезентированный традиционными мотивами реки, открытого простора пахоты, размеренных, как бы непрерывно (циклически) совершающихся сельских работ. В отличие от «Вечера», в большей части пейзажей «Славянки» реальное не переводится полностью в условно-литературный или субъективно-психологический план, не теряет своей эмпирической полноты; общее, идеальное возникает *посредством* реального, но не вместо него. Думается, что именно возможность расширить характеристику реального места, постройки до границ традиционного поэтического топоса, не нарушая при этом его эмпирических характеристик, объясняет выбор между, на первый взгляд, стилистически синонимичными садово-парковыми элементами: Ферма–и Птичник, Молочный домик, Шале; Мавзолеем Павла I – и Памятник родителям.

Подстановка реального референта на место условно-литературной «предметности» создавала и *новые* смысловые возможности, выводящие читателя за рамки привычных ассоциаций. Так, замена кладбища или руин замка Мавзолеем Павла I обогатила элегию Жуковского историческим содержанием. Историческая тема в «Славянке» не дополняет медитацию о смерти, но преобразует ее: в словах о «тоске» «унывающей души» слышатся отголоски универсального трагизма, однако историческая жизнь предстает устойчивой и гармоничной («...мир, воскреснувший по манию небес, / Спокойный под щитом державным» [Жуковский: II, 22]), неполнота индивидуальной земной судьбы преодолевается через исторический процесс как одно из проявлений всеобщего. В итоге происходит как бы «высветление» кладбищенских мотивов изнутри темы (ср. наблюдение В.Э.Вацура о том, что в «Славянке» «нет или почти нет единства элегического тона» [Вацура: 147]). Интересно, что за год до написания «Славянки» подобную подстановку исторического хронотопа на место традиционного кладбищенского произвел К.Н.Батюшков в элегии «На развалинах замка в Швеции» (1814) [Вацура 1994: 156 – 165]. «Воспоминания о прошлом» развернуты здесь гораздо полнее и динамичнее, сильнее слиты с индивидуально-авторским началом, но не несут в себе той установки на многотональность элегической эмоции, которая стала одним из поэтических открытий в «Славянке».

Иное соотношение предметного и субъективно-психологического планов возникает в финале стихотворения. Вместо условного мотива гибели юноши-поэта Жуковский здесь снова вводит экфразу – как явствует из авторского примечания, в качестве референта поэтического текста выступает памятник великой княгине Александре Павловне работы скульптора И.П.Мартоса. Однако здесь равновесие дескриптивного и медитативного начал (характерное для «Славянки» в целом) явно нарушено в сторону ослабления предметности. От реального объекта остается лишь общая композиция (взаимное расположение фигур, их позы), что дает Жуковскому полную свободу в его истолковании; традиционная эмблематика памятника, рассчитанная на узнавание, разрушается вплоть до изменения «родовых» характеристик «действующих лиц»: вместо «молодой женщины», «готовой покинуть мир сей» (как сказано в авторском примечании), – «ангел», «прекрасный сын небес»; вместо античного Гения у ее ног – персонификация «Младой Жизни». Т.о., поэтическое слово в финале «Славянки» выходит в сферу свободных, непредреженных ассоциаций, находящих опору скорее в эстетико-религиозных представлениях автора, нежели собственно в элегической топике.

Итого сказано, подчеркнем, что в «Славянке», при несомненном единстве характеристик лирического субъекта и поэтического мира, реализована целая градация соотношений предметного, условно-литературного и субъективно-психологического. Благодаря этому природа, искусство и поэтически чувствующая личность получали возможность установить новые, не известные эстетическому сознанию предшествующего времени отношения, а сама элегия, несмотря на устойчивость связей с сентиментальной культурой, превращалась в один из первых опытов романтической авторефлексии.

Список литературы

1. Вацура– Вацура В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
2. Жуковский – Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Примечания к текстам стихотворений *Лебедева О. Янушкевич А., Серебренников Н., Реморова Н., Канунова Ф., Поплавская И., Айзикова И., Ветшева Н., Жилыкова Э.М.*, 1999– ... Т. 1. М., 1999. Т. 2. М., 2000.

3. Лихачев – Лихачев Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 3-е изд., испр. и доп. М., 1998.
4. Савицкий – Савицкий С. Повторение прогулки. «Славянка» В.А.Жуковского в контексте литературы о парках // StudiaRussicaHelsingiensiaetTartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Тарту, 2006. Ч. 1.
5. Свиньин – Свиньин П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 1 – 5. СПб., 1816 – 1828. Часть 1. СПб., 1816.
6. Шторх – Шторх П.П. Путеводитель по саду и городу Павловску. СПб., 1843. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raruss.ru/russian-manors/2527-schtorh-zhukovsky.html>(дата обращения 28.07.14).

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

THE LANDMARKS OF MODERN AMERICAN LIFE IN THE NOVEL “ONE FIFTH AVENUE” BY CANDACE BUSHNELL

Novoseltseva L.A.

Elets State University, Elets

Candace Bushnell (b.1958) is one of the most famous and prolific American women-writers who became widely known due to the movie adaptation of her first novel *Sex and the City*. We would like to consider one of her novels as a pattern of new genre – chick lit, that depicts those changes in the American society, which have taken place for the last decades.

Newspapers reviews and gossip columns gave Bushnell a lot of material that became the precursor for her bestselling novel *Sex and the City*. First, the life story of the four young women in search of love and career in New York had been turned into a successful TV-series and later on it was arranged as a text of novel.

To support the success of her luckily found plot Bushnell wrote two sequels to the *Sex and the City* under the same title (1999 and 2000) and two prequels to it – *The Carrie Diaries* (2010) and *Summer and the City* (2011). Between them there were a few more novels *Four Blondes*, *Trading up*, *Lipstick Jungle*. All of her books tell us about the life of a modern big city where most of the characters namely women are searching for personal and social success.

In general, Bushnell’s books received a positive acclaim in many American reviews where she was called “the philosopher queen of a social scenechick lit” [1]. According to these critics the writer managed to create a really true contemporary spirit of sex, love and relationships, to deliver clever, hilarious and socially relevant portraits of women in New York City [2]. It is true that her plots are entertaining, satirical and true to life, she is thoroughly exploring a new gender role of women in the American family and social life. From novel to novel Bushnell’s characters are becoming wealthier, far mature and powerful but still not happier. Literary critics say that the writer shows us how to stay ahead and keep laughing in the toughest city on the planet, in the society where succeeding in life could bring you a kind of sexual feeling: “success is a new kind of sex” [3].

In various reviews of Bushnell’s novels we can find the references to the writer’s ability of catching the Zeitgeist. In recognition of her merits, she was given several literature and television awards including *Emmy Award bestseller*. Her talent is compared to that of J. Austen [4] and D. Parker [5].

We cannot deny good literary taste of the author of *Sex and the City*. In one of her interviews she, for example, recommends the public to read *Buddenbrooks* by Th. Mann, *Barchester Towers* by A. Trollope and *The Widows of Eastwick* by J. Updike [6]. In *One Fifth Avenue* we also can find some other names and works of literature which, as

we believe, also reflect Bushnell's tastes and preferences in this field (H. Melville, I. McEwan, J. Rowling, etc.). The readers are also given the chance to appreciate the implied irony of the author when, for example she tells us about Philip Oakland's commercial scenario *Bridesmaids Revisited* [10:224] alluding to the famous novel *Brideshead Revisited* (1945) by the great British satirist Evelyn Waugh.

Bushnell is considered to have influenced and shaped two generations of women in the western world [7]. We can't say the same about the modern Russian public. It happened once in the history of Russian literature when the sentimental novels by S. Richardson really influenced the tastes and the moral code of our public in the early XIX century [8]. That is why we cannot agree to the reviewer of the novel *Trading Up* who calls this Bushnell's book *asentimental* story [9] because her plots speak about the merciless world of vain people and her women do not remind us of Richardson's characters at all. In Bushnell's books the question of sex is given a lot of place and attention whereas we, Russian, en masse still think of sex as something accessory which is not of first importance. At least we are not apt to speak much about it. Besides, our middle-class is not ready to accept all the values of the western type of society yet.

In the novel *One Fifth Avenue* the writer locates her main characters in the luxurious apartments of the famous district in Manhattan where it is really forbidden to make noise and even play any musical instruments after 8 p.m. According to the plot of the book the flats in the house are occupied by the richest, most ambitious, callous and envious people. Everyone pursues his/her own aim and most of them are ready for anything to gain it. The intrigue of the story is based on the struggle between the characters of the novel for the right to occupy one of the best apartments in that building after the death of its owner. Three generations of people are shaped in the novel and all of them are engaged in that rat race stealing, betraying, hatching plots. The action is unwinding very slowly and somewhere in the middle of the book, you feel that you are losing your interest in the plot and only to the end of it everything develops much faster.

The problem of the generation gap found its traditional reflection in the novel. We come across teenagers obsessed by the Internet and computer handling (Sam Gooch); the so called Y-generation is trying to pave the way by grabbing a piece of somebody's luck (Lola, Thayer Core). We also find here the generation X-ers (40-50 years old) who are afraid of ageing and trying to delay this moment as much as they could (Philip Oakland, James Gooch, Diamond Shiffer, Billy Litchfield, etc.), and the generation of Baby-boomers – those who exceeded their allotted span (Mrs. Houghton, Flossie Davis).

Bushnell is known for a new approach to the question of sex and its role in the life of modern people, which found rather an extensive reflection in her novels. The book *One Fifth Avenue* is not an exclusion in this respect. An upper-middle-class exasperated feminist Mindy Gooch speaks of sex as something unnecessary, but her husband (as well as his counterpart and neighbor Philip Oakland) is preoccupied with his sexual relationship to a young girl.

On the one hand, the author as an essential token of the American contemporary life marks a cult of youth. Young people are not apt to respect the elder ones only for their former achievements. They are irritated by the fact that all the money and best jobs have been grabbed and shared by the baby-boomers. A 40-year old Diamond Schiffer is afraid of becoming one of those aged actresses who make plastic surgery and write autobiographies that nobody reads [10: 2]. We can suppose that young Lola would turn into Schiffer and the latter into a grumbling man-hater Mindy Gooch in 20 years. On the other hand, the author paints repulsive and grotesque pictures of the disabled and aged people who are sneered at by the young [10: 1]. However, the author has also fixed a change in peoples' attitude to the problem of life expectancy: Billy Litchfield says that his mother is *onlyeighty-three* and he expects her to live another decade or so.

There are many author's maxims in the book we got used to by her other novels. Here we find such aphorisms as "*the ballet is the antidote to surfing the Web*" [10:3] or about the funeral repast that it is only "*another excuse for a party, where people could drink champagne, eat caviar and talk about their latest projects*" [10:4].

The story bears the distinctive marks of American life and the time of action: Opra's talk shows, Bushnell's *Sex and the City* series, the celebrities of the period – Mick Jagger, Donald Tramp, Nicholas Sparks, Harvey Wiley Corbett and many others. However, for Russian readers some of these names should have been commented on in the footnotes, which are too short to our mind (only 21 points). By the way, the author of the book does not lose the chance of indirect advertising her popular series *SATC (Sex and the City)* mentioning it several times on the novel pages, as well as speaking about her implied ancestor David Bushnell, a submarine builder (10:78, 93, 94).

A new reality connected with the life of modern people is the computer, which has become an important instrument of their activity. The characters of the novel consider Internet the most remarkable sign of the contemporary life: having and keeping your own site becomes a new obligation, which is as natural an obligation as having children [10:73]. The author reminds us about a new tendency in this field – "*the graying of the Internet*" [10:28] which means that more and more aged (*gray*) people have been engaged in active using of the net. Just as in

the J. Rowling's social novel *The Casual Vacancy*, Internet plays a very important role in unfolding the *One Fifth Avenue*'s plot. Bushnell speaks about a lot of popular Internet blogs and sites in the book: *The Huffington Post*, *Slate*, *The Green Thumb*, *Perez Hilton*, *Snarker*, *Peephole*, *Defamer*, giving us the patterns of the Internet communication and messaging [10:184,191, 331,425, etc.], "the culture of the parasite" according to the words of James Gooch, one of the characters of the book [10:96].

This plot has exhausted to a certain extent the range of problems raised by Bushnell and the types of characters depicted in her novels. We believe the author could use her powers of observation watching some new characters, which she has not painted in her books yet, as the writer will not probably want to be criticized for losing topicality and the monotony of her plots.

References

1. The New-York Times book review. – URL: <http://www.barnesandnoble.com/w/lipstick-jungle-candace-bushnell/1100012063?ean=9780786893966>
2. C. Bushnell bio. – URL: <http://www.amazon.com/Candace-Bushnell/e/B000APL42S>
3. ИА "Росбалт" со ссылкой на *Inopressa*. Опубликовано: 13.09.2005, 11:58 – URL: <http://www.owl.ru/content/openpages/p57304.shtml>
4. The Guardian. – URL: <http://www.harpercollins.com/author/microsite/about.aspx?authorid=33992>
5. Freeman H. Rereading Sex and the City by C. Bushnell. – The Guardian, Friday 19 April 2013.
6. The Interview given by C. Bushnell. – URL <http://www.youtube.com/watch?v=JWfxRNrHaM0>
7. Summer & the City: A Carrie Diaries Novel. – URL: <http://www.amazon.com/Candace-Bushnell/e/B000APL42S>
8. Новосельцева Л.А. Д.Дефо в русских переводах и критике./Novoseltseva L. D. Defoe in the Russian translations and critics (1762-1917)/. – Germany: Lambert Publishing House, 2014, p. 21-22.
9. Бушнелл Кэндес *Все на продажу*. – URL: <http://knigi.ws/roman/8685-kendes-bushnell-vse-na-prodazhu.html>
10. Bushnell C. *One Fifth Avenue*. – London: Abacus, 2009: 1) p. 117, 218. 2) p.38. 3) p.301; 4) p. 411.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОЛИТЕРАТУРЫ

Гречишкина С.В.

Забайкальский государственный университет, г.Чита

Аннотация

Статья посвящена аксиологическому подходу к изучению эколитературы. Актуальность исследования объясняется высоким интересом к эколитературе и необходимостью выработки адекватного подхода к её изучению. Аксиологический, или ценностный, подход является наиболее подходящим для изучения эколитературы, поскольку эколитература в первую очередь призвана влиять на мировоззрение людей, в частности способствовать выработке экологической этики. В статье анализируются современные российские и зарубежные работы, посвящённые аксиологическому подходу, обозначаются методы, которые можно использовать в рамках этого подхода, а также объясняются особенности применения аксиологического подхода к эколитературе как одного из видов современной литературы о природе.

Ключевые слова: мировоззрение, ценности, экокритика, эколитература, экологическая этика, эстетическая ценность

Изучение эколитературы как одного из видов литературы о природе является актуальным, оно привлекает к себе всё большее количество исследователей из разных стран. За рубежом оформилась экокритика, область изучения литературных работ о природе с целью выявления особенностей репрезентации взаимоотношений между человеком и всем остальным природным миром. Американский исследователь Дж. Тиннелл отмечает, что экокритика является одним из самых институализированных областей гуманитарного знания, связанных с изучением окружающей среды в англоязычных странах [23]. Профессор П. Мёрфи считает, что экокритика может не только вносить свой вклад в защиту окружающей среды, но и в решение социальных и политических конфликтов [20, с. 2–4]. Экокритика этически-ориентирована, поскольку подразумевает обращение к мировоззрению, чувству личной ответственности и осмыслению воздействия общества на окружающую среду.

Экокритики пытаются понять, как литература влияет на наше взаимодействие с природным миром в реальной жизни: “ecocriticism has sought to investigate how particular templates of storytelling and image-making shape humans’ real-life interactions with the natural world in ways that are historically and culturally distinctive” [15, p. 419]. Для того чтобы достичь этой цели, критикам необходимо выявить какие моральные и культурные ценности вплетены в произведение.

Поскольку эколитература, затрагивающая проблему современного экологического кризиса, транслирует определённые ценности и связана с выработкой экологической этики, то обоснованным, на наш взгляд, является опора на аксиологический подход к изучению этой литературы. Аксиологический подход предполагает выявления ценностей, так или иначе представленных в тексте. Профессор Е. В. Попова в рамках ценностного подхода предлагает выявлять эстетическую ценность произведения, а также ценности, которые лежат в основе литературного произведения [10]. Мы можем сочетать этический и эстетический анализ произведений.

Прежде чем приступить к более подробному рассмотрению аксиологического подхода, нужно сказать, что учение о ценностях выросло из этики, поэтому часто под ценностью понимают «предельные рациональные нормативные основания актов сознания и поведения людей» [12]. Кант, например, считал, что «всё имеет лишь ту ценность, которую определяет нравственный закон» [14, с. 322]. Возможно, согласно данной логике в зарубежном литературоведении принято говорить об этическом подходе, а не об аксиологическом. Ещё А. Белый отмечал, что понятие о ценности может приближаться к понятию о творчестве или к понятию об этической норме. Важно то, что и «в том и в другом случае понятие о ценном сближается с понятием о должном и истинном», поэтому мы должны рассматривать теоретическое познание «с точки зрения практического его смысла: оно должно осуществлять свои цели, быть нужным... и в этом смысле ценным» [3, с. 26].

В зависимости от того, что понимать под ценностью, аксиология может либо включать этику, либо ею поглощаться. Если взять за основу другое определение ценности, то речь уже будет идти о выявлении не только нравственных, моральных ценностей в произведении, но и эстетических и любых других. В Оксфордском словаре даётся следующее определение ценностей: «Principles or standards of behaviour; one’s judgment of what is important in life» [22]. Это определение соединяет понятие о нормах поведения и понятие о важности, значимости различных явлений в нашей жизни. Явления становятся значимы для нас на основе социологического опыта [5, с. 33]. Ценности определяют особенности сознания, мировоззрения и поведения субъекта [там же, с. 32]. Во многом структура нашего мировоззрения зависит от ценностей, которые в самом широком значении представляют собой идеальные модели явлений, где идеальность выступает как набор требований к этим явлениям [4, с. 20]. Мировоззренческие структуры и ценности в свою очередь лежат в фундаменте культуры и социума [9, с. 11]. При таком понимании ценностей мы можем говорить о выявлении широкого спектра ценностей в произведении: культурных, эстетических, моральных и проч. Ниже мы попытаемся привести к общему знаменателю достижения российских и зарубежных исследователей в разработке ценностного подхода к литературе.

В первую очередь разберём положения этического анализа, представленного в зарубежной критике. Среди приверженцев этического подхода выделяются М. Арнольд, В. Бут, М. В. Грегори, Я. Маршалл, М. Нуссбаум, Д. Р. Шварц. Профессор Дж. Г. Харфам справедливо заявляет, что изучение литературы с позиций этики исходит из утверждения, что литературное произведение связано с определёнными ценностями, принципами, нормами, законами. Задача литературоведа в этом случае состоит в описании способов выражения этих явлений в произведении таким образом, чтобы этическая значимость произведения стала явной для всех [17, с. 376]. Морально-философский подход к литературе берёт начало в произведениях древних греков и римлян. Отправной точкой такого рода изучения литературы является убеждение в том, что литература призвана научить морали и опробовать философские мысли определённого исторического периода [19, с. 77]. Литературоведа, который применяет морально-философский, или этический, подход, интересует в первую очередь не то, как что-то преподносится, но то, чему текст учит. Таким образом, эстетическая ценность произведения остаётся на втором плане.

Однако сама структура произведений не безразлична для исследователя. Профессор Д. Р. Шварц говорит, что для всех литературоведов, занимающихся изучением литературы с позиций этики, характерно убеждение, что стиль и структура произведения выражает ценностную систему. Для литературоведа важно рассмотреть, как внешний мир отражён в произведении, учитывая исторический контекст и биографические данные автора [18, p. 3]. По мнению Шварца, с целью выяснения того, что намеривался автор сказать предполагаемому читателю, нужно обратить внимание на поведение персонажей, их психологию, поскольку понимание других ведёт к пониманию себя. [там же, с. 13–15]. Профессор В. Бут говорит, что внимание должно быть сосредоточено на конфликте отстаиваемых морально-этических положений, как правило, лежащем в основе произведения. Читатель сталкивается с выбором и вынужден делать суждения [там же, с. 26]. Исследователь должен высказать своё согласие или несогласие с представленными конфликтующими точками зрения. Профессор М. Нуссбаум

говорит о необходимости детального прочтения произведений, которое должно носить характер этического акта: «literary art can be ethical, and that responsible criticism of literary artworks can legitimately invoke ethical categories» [18, с. 59]. Конечно, литературоведы, работающие в таком ключе, обращаются к структуре произведения, к метафорам, к ритму и к любым другим сторонам произведения, но целью остаётся выявление идей, жизненных уроков, которые читатель может для себя извлечь.

Профессор М. В. Грегори считает необходимым пересмотреть этический подход, заменив понятие «уроки (lessons), которым нас учит произведение», которым оперируют литературоведы, на «стимулы, побуждение (invitations) к тому, чтобы почувствовать, поверить и сделать выводы» [16]. В этом случае можно будет избавиться от догматизма и предписательности этического подхода. Дж. Г. Харфам отмечает, что уже долгое время существует две полярные точки зрения на связь литературной критики с этикой. Одни исследователи считают литературу прекрасным средством привития моральных ценностей, а другие либо подчёркивают аморальность литературы, либо её этическую нейтральность [17, с. 372]. М. Нуссбаум и В. Бут доказывают несостоятельность нападок на этический подход, подчёркивая важность этического отклика на литературу. Бут пишет: «a great portion of what we call literary works are not only implicitly ethical <...>, but explicitly designed to elicit ethical responses» [18, с. 23]. Одним из произведений, созданных для этической оценки читателей, на наш взгляд, является роман «Whirligig» британского автора М. Макинтайра.

Итак, пользуясь словами М. Нуссбаум, целью этического подхода является «self-understanding and communal attunement» (самопознание и приспособление к сообществу) [21, с. 261], что подразумевает внимательное прочтение произведения и пересмотр своего мировоззрения. Конечно, правы те, кто утверждает необходимость равноценного внимания к идейной и формальной сторонам произведений. По утверждению российского исследователя М. С. Кагана, восприятие произведения искусства, в частности художественного произведения, «двуслойно – оно требует и личностного, сотворческого осмысления осмысленной художником реальности, и оценки того, как, на каком уровне таланта и мастерства, сделал это художник» [6, с. 130]. Мы считаем, что при рассмотрении этических вопросов, нужно обращать равное внимание на эстетическую ценность произведения.

Перейдём к более широкому понятию, аксиологическому подходу, который в России применяется в основном к текстам классической литературы, а именно к произведениям Достоевского и Толстого. Например, Е. В. Кузнецову интересуют художественная аксиология в романе «Идиот» Достоевского, а Д. А. Абдуллину – возможности аксиологического подхода в прочтении автобиографической трилогии Толстого. Такое внимание к творчеству данных писателей объяснимо тем, что произведения классиков характеризуются чётко выраженной ценностной основой содержания и большой эстетической значимостью. Есть работы и по произведениям других авторов. Например, диссертация А. В. Фроловой посвящена художественной аксиологии новокрестьянской поэзии. Автор диссертации рассматривает произведения Есенина, Клюева и др. Внимание сосредоточено на мифологической основе, природных образах и мотивах. Среди других российских исследователей, использующих аксиологический подход, можно выделить основоположников аксиологического подхода к литературным произведениям в России М. М. Бахтина, А. П. Власкина и В. А. Свительского, а также А. А. Казакова, Е. В. Попову, Е. С. Роговера, З. К. Сафаргалину, А. М. Форшток и ряд других.

В рамках аксиологического подхода к литературным произведениям исследователи могут выбирать концептуальный, стилистический, семиотический, лингвосемантический и другие виды анализа. Профессор Н. П. Антипов, например, говоря о ценностных координатах художественного произведения, отмечает, что для анализа произведения необходимо сконцентрировать внимание на образных связях (метафорических, оксюморонных и проч.), которые задают тон художественному произведению, в том числе и ценностным связям, всей аксиологии произведения [1, с. 154].

Кроме литературоведения аксиологический подход используется и в других областях гуманитарного знания. Например, профессор И. И. Докучаев доказывает важность ценностного подхода к рассмотрению всех артефактов культуры, поскольку ценность, по его мнению, является интегральной порождающей моделью данных артефактов [4, с. 9]. Профессор Н. Н. Казыдуб занимается разработкой методологии исследования аксиологических систем с точки зрения лингвистики. В. А. Марьянчик в свою очередь рассматривает лингвостилистический аспект аксиологической структуры медиа-политического текста. Хотя её исследование относится к журналистике, стоит обратить внимание на разработанный ею инвариант модели аксиологической структуры медиа-политического текста, который, на наш взгляд, можно было бы адаптировать для анализа художественного текста [8]. В докторской диссертации Марьянчик подготовлена обширная терминологическая база, которую можно использовать для любых аксиологических исследований.

Нельзя не отметить значимость работ М. М. Бахтина в деле разработки ценностного подхода к литературе. Некоторые положения данного подхода можно найти в его работе «Автор и герой в эстетической деятельности».

Бахтин соединяет эстетический и этический виды анализа в работе. По мнению Бахтина, все элементы произведения упорядочиваются архитектурно в единое художественное событие, центром которого является человек [2, с. 69]. Профессор Е. С. Роговер высказывает схожую мысль: «Ценностные отношения в художественном произведении реализуются в ходе взаимодействия человека с другими людьми, природой и предметами, являющимися носителями ценностей» [11, с. 111]. Бахтин заявляет: «Всё, что входит в художественное целое, представляет из себя ценность <...> Каждая конкретная ценность художественного целого осмысливается в двух ценностных контекстах: в контексте героя – познавательно-этическом, жизненном, – и в завершающем контексте автора – познавательно-этическом и формально-эстетическом, причём эти два ценностных контекста взаимопроникают друг друга, но контекст автора стремится обнять и закрыть контекст героя» [2, с. 88]. Итак, аксиологический анализ произведения должен начинаться с рассмотрения образа главного героя произведения, затем можно перейти к анализу предметного мира, художественного времени и пространства. Все эти моменты непосредственно связаны с образом главного героя. Положения работы Бахтина согласуются с положениями работ зарубежных исследователей в том, что выявлению ценностей может способствовать детальный литературоведческий анализ, значение для которого имеют не только образы автора и персонажей, но и стиль, ритм, рифма, композиция, художественное пространство и время, а также прочие стороны произведения.

Одним из последователей Бахтина является профессор А. А. Казаков, занимающийся изучением ценностной архитектуры художественного мира. Он отмечает, что, несмотря на разное понимание учёными будущего методологии ценностного анализа, разработка ценностного анализа «является одной из актуальнейших задач современного литературоведения и всей гуманитарной науки вообще» [7, с. 8]. По справедливому замечанию профессора И. И. Докучаева, «именно к ценностям мы стремимся проникнуть, воспринимая художественное произведение и общаясь с другим человеком» [4, с. 588]. Это ещё раз подтверждает необходимость применения аксиологического подхода к художественным произведениям. Казаков указывает, что «исходный тезис аксиологического подхода предполагает, что сущность художественного произведения заложена в ценностной архитектонике, в сложном переплетении трагического, комического, героического, низменного, других ценностных комплексов, у которых пока нет специального названия» [7, с. 3]. Таким образом, ценность является принципом формы. Нельзя в своём анализе избегать пристального внимания к структуре произведения.

В качестве алгоритма работы с художественным произведением с целью выявления его эстетической ценности можно воспользоваться предложенной В. И. Тюпой технологией семиоэстетического анализа. Результаты семиоэстетического анализа, основанные на фиксации и систематизации факторов художественного впечатления, по мнению Тюпы, могут служить определению жанра произведения, идентификации эстетической модальности, идентификации типа предполагаемой произведением читательской компетентности [13, с. 101]. Тюпа демонстрирует первоклассное владение технологией семиоэстетического анализа. Его анализ произведения «Фаталист» Лермонтова может служить образцом того, к чему должен стремиться исследователь, желающий выявить художественную ценность произведения. Несомненно, элементы данного вида анализа помогут выявить не только эстетическую ценность, но и ценности той временной эпохи, в которую создавалось произведение.

Итак, обращаясь к экологической литературе, необходимо использовать аксиологический подход. Экологическая литература, одной из задач которой является выделение связей элементов экосистемы, направлена на формирование экологической этики. Экологическая этика должна регулировать взаимоотношения между человеком и другими представителями экосистемы. Чтобы помочь формированию экологической этики у читателя, нужно выявить ценности, которые лежат в основании произведения. Соединив опыт российских и зарубежных литературоведов, можно выработать определённый алгоритм работы с экологической литературой. В статье указаны некоторые методы, которые применяются в рамках аксиологического подхода. В будущем требуется уточнить, какие методы более удачны для анализа того или иного жанра.

Список литературы

1. Антипов Н. П. Измерение прекрасного // Лингвистика и аксиология. Этносемиотика ценностных смыслов. М.: Тезаурис, 2011. 352 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
3. Белый А. Проблема культуры // Собрание сочинений в 5 т. Т. 5. Символизм. Книга статей. М.: Культурная революция: Республика, 2010. С. 26–32.
4. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.

5. Дымина Е. В. Мир ценностей и проблема осмысления действительности // Журнал «Ценности и смыслы». № 2. Москва, 2009. С. 27–38.
6. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
7. Казаков А. А. Ценностная архитектура произведений Ф. М. Достоевского. Томск: Издательство Томского университета, 2012. 254 с.
8. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект). Автореф. дисс. на соискание учёной степени д.ф.н. Архангельск, 2013. 36 с.
9. Микешина Л. А. Современное развитие понятия «ценность» // Журнал «Ценности и смыслы». № 1. Москва, 2009. С. 6–17.
10. Попова Е. В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества. Диссертация д.ф.н. Москва, 2004. 326 с.
11. Роговер Е. С. Аксиологический анализ литературного произведения // Университетский научный журнал. № 3, 2012. С. 110–183.
12. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1998. 292 с. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/val/val1-3.htm> (дата обращения: 12.07.2014)
13. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. 3е изд. М.: Академия, 2009. 336 с.
14. Шохин В. К. Ценность // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. / Рук. проекта Степин В.С., Семигин Г.Ю. М.: Мысль, 2010. С. 320–323.
15. Buell L., Heise U. K., Thornber K. Literature and Environment // Annual Review of Environment and Resources. Vol. 36. 2011. Pp. 417–440. URL: <http://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev-environ-111109-144855> (дата обращения: 12.07.2014)
16. Gregory M. W. Redefining Ethical Criticism. The Old vs. the New // Journal of Literary Theory. Vol. 4 № 2. 2010. URL: <http://www.jltonline.de/index.php/articles/article/view/287/879> (дата обращения: 18.07.2014)
17. Harpham G. G. Ethics and Literary Criticism // The Cambridge Encyclopedia of Literary Criticism. Vol. 9. Twentieth-Century Historical and Psychological Perspectives. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 371–385.
18. Mapping the Ethical Turn. A Reader in Ethics, Culture, and Literary Theory. / Ed. T. F. David, K. Womack. Charlottesville and London: University Press of Virginia, 2001. 296 p.
19. Moral and Philosophical Approaches // A Handbook of Critical Approaches to Literature / Ed. Guerin W. L., Labor E., Morgan L. New York and Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 77–89.
20. Murphy P. D. Ecocritical Explorations in Literary and Cultural Studies: Fences, Boundaries, and Fields. Plymouth: Lexington Books, 2009. 217 p.
21. Nussbaum M. C. Perceptive Equilibrium: Literary Theory and Ethical Theory // A Companion to the Philosophy of Literature. Blackwell Publishing Ltd., 2010. Pp. 241–267.
22. Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/value> (дата обращения: 16.07.2014)
23. Tinnell J. Transversalising the Ecological Turn: Four Components of Felix Guattari’s Ecosophical Perspective // The Fibreculture Journal. № 18. 2011. URL: <http://eighteen.fibreculturejournal.org/2011/10/09/fcj-121-transversalising-the-ecological-turn-four-components-of-felix-guattari%E2%80%99s-ecosophical-perspective/> (дата обращения: 12.07.2014)

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15. ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

ДРАЙЗЕР. ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОГО ГУМАНИСТА

Игошина О.А., Крисанов А.Н.

МГУ имени Н.П.Огарева, г.Саранск

«Гений», «Американская трагедия», «Финансист», «Сестра Кери» - и многие другие мощные художественные произведения, шумевшие на весь литературный мир в начале 20 века, приводят к тому, что Теодор Драйзер выдвигается на получение Нобелевской премии. Его романы можно встретить в различных топах величайших произведений литературы. Художник слова, изображающий человеческую душу в современной действительности, так тонко и точно, что оторваться от его текстов практически невозможно. Девятый ребёнок в семье, сын немецкого эмигранта, общественный деятель, истинный американец. Много можно сказать об этой личности, но нельзя забыть о его стороне журналиста.

Теодор Герман Альберт Драйзер (27 августа 1871 года – 28 декабря 1945 год), место кончины: штат Калифорния, Голливуд, что символично для такого писателя как он. Драйзер уже при жизни стал экранизироваться, получив бешеный успех среди американской публики, а затем и заслуженно у всего мира. Детство для писателя было тяжёлым: семья лишается своего дела, оно буквально сгорает в огне, затем погибает отец и старшие братья, учёбу в Индианском университете в Блумингтоне приходится бросить, ведь семье нечем было платить. Теодор став жертвой обстоятельств, поступает на службу клерком, одно время ему даже приходится отправиться работать возчиком фургона прачечной. Так продолжается до 1892 года, когда в один момент решение стать журналистом меняет для него абсолютно всё.

На примере его жизни, мы видим настоящее исполнение американской мечты. В конце 19 столетия он репортёр в газетах Питсбурга, Чикаго, Сент-Луиса. А в 1894 году на свет появляется журнал под названием «Каждый месяц» («*EveryMonth*»). Главный редактор этого музыкального журнала брат Теодора – Поль Дрессер, там Драйзер обосновывается как автор на целых три года. В 1897 году молодой журналист уходит изпод крыла брата и печатается в таких журналах, как «*Cosmopolitan*», «*Harper's*», «*Metropolitan*». Ещё до выхода прославившего его романа в 1900 году, Теодор уже становится известным мастером слова. Его публикации пользуются успехом, а он зарабатывает себе репутацию хорошего автора.

Если проанализировать начинающего писателя по его статьям, то можно увидеть, что уже на этом раннем этапе складывается сочувственное отношение Драйзера к трудовому народу Америки, пробуждается его стремление видеть и изображать жизнь такой, "какова она есть", - то есть проглядывают те черты, которые в дальнейшем становятся ведущими и определяющими в творчестве писателя. [2]

Рассматривая его статью: «Жизнь, искусство и Америка» можно увидеть настоящего Драйзера-публициста. В этой статье преобладают слова с эмоциональной экспрессивной окраской, что подтверждает, в первую очередь, его отношение к тому, о чём он пишет. Ещё раз говорит о том, что он всегда ведёт с читателями разговор то, что в статье постоянно присутствует элементы обращения к ним, риторические вопросы и восклицания: «Вы любите театр; верите ли вы тому, что пишут театральные критики? Вы изучаете литературу; согласны ли вы с высказываниями рецензентов, более того - интересуется ли вас их мнение? Вы художник или ценитель искусства; станете ли вы искать в газетах чего-нибудь, кроме простой информации - адресов выставок и т. п.?» Он всегда вызывает свою аудиторию на общение, на создание своего мнения, которое не всегда должно быть таким же, как и у автора. Теодор Драйзер в статье обращается к темам, которые проходят через всё его творчество: Америка – торговец, забывший о душе. Являясь истинным американцем и любящим свой народ писателем, он постоянно в этой статье показывает, что нельзя быть таким гражданином, какими его делает толи государство, толи вынужденное положение или история. «Мне хочется и смеяться и плакать, когда я об этом думаю: сто двадцать миллионов американцев, баснословно богатых (многие из них, во всяком случае), - и почти ни одного поэта, прозаика, певца, актера, музыканта, о котором стоило бы упомянуть». Множество эпитетов, примеров, подтверждающих его слова, перечислений, терминов и красивых метафор – всё это лишь подтверждает, что Теодор Драйзер человек не просто обладающий богатым словарным запасом, это говорит о том, что Драйзер-публицист это умный человек искусства.

Его публикации со временем становятся значимым словом. Его слушают, ему следуют, его ругают и боятся. Любовь простых людей к Драйзеру взаимна. В каждом публицистическом произведении Теодор

защищает, заботиться и беспокоиться за судьбу простых граждан, причём не только на своей земле, но и за границами океана. С большой буквы гуманист – вот кто он. Пытаясь раскрыть в своих статьях не только философские мысли о значении человека в мире, Драйзер открывает обществу злободневные проблемы окружающие каждого живого человека. Его положение в литературном мире крепчает и слово становится значимее. Ещё начиная свой творческий путь, Теодор понимает, что может не просто вещать в массы через журналистику или через свои романы, он может дать людям своё мнение и с ним не станет спорить простой человек - отсюда эта смелость. Он знает, что его кто-то услышит. Возможность повлиять на ход истории в такой форме его привлекает.

Драйзер критикует американский империализм как олицетворение всех и всяческих пороков капиталистического общества в целом. Часто в своих публикациях он говорит о том, что людей слишком уж поглотил процесс материализации идей, машиностроения и замена человеческого труда. Писатель не отрицал полезности технического и экономического прогресса, видимо помня трудность юношеских лет, но обращаясь к читателям, он говорит о том, как его страну поглотил процесс стройки капитала и гонок вооружений. «Я в сущности хочу сказать только одно: в стране, которая так глубоко погрязла в практицизме, - забыв о провозглашенном ею в конституции служении идеалам, - свободная мысль и искусство не могут не находиться в положении безусловно ненормальном. Торговец и монополист, то есть тот, кто явно задает сейчас тон в Америке, не имеет ни малейшего представления об основных умственных и духовных запросах человека, которые находят свое выражение в искусстве, да и не мало ими не интересуется» [3]

Как журналист уже постаревший Драйзер-писатель не мог оставить положение страны и в течение всего творчества обращался к политике страны. Он призывал обратить внимание со страниц журналов в своих статьях к политическим доктринам. Общество имело право не просто слепо следовать красивым политикам, а достойным словам, в которых есть ум, так считал Драйзер. Он указывал правильный, по его мнению, путь для жителей его страны. Например, Теодор Драйзер защищал политические взгляды, которые пропагандировала газета «Дейли Уокер». Он считал их наиболее верными и актуальными, потому что он знал, что эта газета показывает Америке единственный выход из нынешнего экономического кризиса.

Его статьи гласили не только о цене искусства и важности рядового трудяги, даже не просто о судьбе его страны, с годами Теодор Драйзер распространил своё слово и зарубежом. Защищает от нападок прессы и политических ораторов Советский союз, не только в художественных текстах, но и, например, его статья: «Против войны». Нью-Йорк таймс в ответ пытается очернить самого Драйзера и называет его в качестве приговора «уличным оратором». Драйзер не отпирается. Он с удовольствием соглашается и выступает, как и раньше, только лишь с ещё большим рвением, в качестве аппозиции против прессы и радио, которые «находятся в руках корпораций - к их числу принадлежат и "Нью-Йорк таймс", и "Чикаго трибюн", и другие газеты».[4]

Никогда не переставая быть борцом за правильное управление страной, за то чтобы его народ не был обманут и лишён того, что ему гарантировано, Драйзер-гуманист, был великим писателем. Пусть критика, которая по заслугам называет его текст сложным и громоздким, никогда не перестанет быть, но, то о чём говорил Теодор Драйзер не теряет актуальности больше половины века. И как отмечается в статье Игошиной О.А., народ всегда интересовало «положение государства во всех его сферах. Моральное развитие – то, что не оставляет безразличным никого».[1] Свобода простого гражданина, ужаса власти капитализма над разумом и духовностью. При знакомстве с этим писателем, автоматически причисляешь его творчество к разряду «вечно-актуальное». Драйзер был не просто хорошим художником, ярко рисовавшим образы. Он был великим оратором, дававшим бой политикам своего времени, не преследовавший цель встать на их место, а боровшийся за то, за что должна была бороться политическая власть - за простого человека. Он всегда был для народа своим, дело не только в происхождении и биографии, дело в том, что достигнув многого, он не изменился, он остался выходцем из народа и для народа.

Список литературы

1. Игошина О. А. Отражение интересов современного общества на страницах публицистических магнатов (на примере рубрик в изданиях «Forbes», «Сноб», «Esquire») [Электронный ресурс] // Огарев-online. Раздел "Филологические науки". – 2014. – №5. – URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/otrazhenie-interesov-sovremennogo-obshhestva-na-stranichakh-publicisticheskikh-magnatov-na-primere-rubrik-v-izdaniyakh-forbes-snob-esquire>.
2. Теодор Драйзер – писатель и публицист - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/travelling/print.php?subaction=showfull&id=1295881021&archive=1295896498&start_from=&ucat=&
3. Теодор Драйзер. Жизнь, искусство и Америка. //Сб. «Бей, барабан!», 1920 г.

КАК ПРАВИЛЬНО ПО ПРАВИЛАМ

Грановская Н.А. (аспирант)

Российская академия медиаиндустрии, г.Москва

Журналистика, несмотря на кажущуюся простоту – что увидел, о том и говори – дело сложное, имеющее четкие правила. При их соблюдении информационная служба работает как слаженный механизм, выполняющий главную функцию: выдавать в эфир достоверные новости своевременно.

Первое, и, на мой взгляд, основное условие эффективности любого вида журналистики – язык. Тексты должны быть написаны простым, понятным, хорошим русским языком, и главное - грамотно, то есть по правилам. Начинающим журналистам обычно рекомендуют использовать простые слова, короткие предложения. И не усложнять тексты сюжетов многослойными конструкциями с использованием причастных и деепричастных оборотов. Чем сложнее текст, тем хуже поймёт зритель идею сюжета. Вычитывая за день порой до тридцати «сочинений» (так я называю тексты сюжетов корреспондентов редакции «Вести-Мордовия»), требую, чтобы суть их должна быть понята с первого прочтения. Хорошо, ярко написанный текст не может появиться без здравого смысла. Репортёр должен всегда четко представлять, что он хочет сказать миру. Если вы не до конца разобрались в теме, проблеме, о которой пишете, то это будет заметно и в сюжете. Поэтому тексты проходят несколько стадий доработки, что повышает их качество и уровень. Среди моих негласных принципов пять всегда и одно никогда.

Первое всегда: считать точность как главный принцип работы журналиста.

Второе: передавать информацию как можно быстрее, но не в ущерб первому.

Третье: передавать объективную и сбалансированную информацию.

Четвертое: стараться найти эксклюзивную новость (информацию).

Пятое всегда: - быть честным и относиться добросовестно к источникам информации и никогда не подставлять их.

И в теле-, радио- и газетной журналистике главный редактор особое внимание отдает, конечно же, точности. И она не может быть принесена в жертву скорости. Но если в ошибка допущена, она должна быть исправлена как можно быстрее – не тайно, а явно. Это касается всех аспектов: имён, должностей, цитат.

Есть ли заслуга в том, что вы дали историю раньше всех и при этом ошиблись? Ничто так не разрушает репутацию репортёра новостей, как ошибки, особенно, касающиеся больших событий, и особенно в момент, когда к ним привлечено всеобщее внимание. Например, историю про то, что мы сообщили про несуществующее падение доллара, будут вспоминать спустя много месяцев.

Источник ошибок - незнание и некомпетентность корреспондента. Кроме того, точность - это проверка и перепроверка цифр, должностей, имён, дней недели... Большинство ошибок носит очевидный характер, в их основе чаще всего лежат лень и невнимательность молодых журналистов.

Среди навыков, которыми должен обладать каждый сотрудник «Вестей», необходимо выделить умение быстро печатать, умение быстро записывать информацию, умение пользоваться техническими приспособлениями, ускоряющими передачу и обработку информации, а также соответствующим программным обеспечением.

В современном информационном пространстве скорость – один из основных критериев эффективности нашей работы. Поэтому я внимательно отслеживаю, как «Вести» нашего региона выглядят в сравнении с конкурентами. И именно поэтому скорость я ставлю на второе место в приоритетах после точности.

И мы должны стремиться к тому, чтобы быть не реагировать на уже произошедшие события, а предвосхищать их. Хорошее, грамотное планирование – основа такого подхода. Мы должны не догонять конкурентов, а опережать их.

Корреспондент всегда должен помнить, что сбалансированность – это базовая ценность нашей нелегкой профессии. Вторая точка зрения в репортажах, заметках нужна для того, чтобы его не обвинили в ангажированности.

Мы требуем второго мнения, особенно если звучат обвинения в адрес компаний или конкретных людей. Если же не можем получить комментарий адвокатов, директоров, каких-то ответственных лиц, то так и говорим. Ещё одно важное правило. Журналист никогда не может назвать никого преступником до приговора суда.

Поэтому в судебно-криминальных сюжетах надо чётко разделять стадии, которые проходит человек: «задержанный», «арестованный», «подозреваемый», «обвиняемый», «преступник». Мы не можем назвать задержанного арестованным, а подозреваемого обвиняемым.

Таким образом, если сотрудник прокуратуры говорит, что задержали подозреваемых в каком-то преступлении, в соответствии с российским законодательством ответственность за правдивость этой информации несет прокуратура. Что не отменяет необходимости добиться мнения адвокатов в следующей версии этого сообщения.

Особое внимание к эксклюзивной информации. Это лицо, то, что отличает одно средство массовой информации от другого. «Вести» нашего региона должны предоставлять как можно больше эксклюзивной информации. Добыть эксклюзивную новость можно первыми, записав интервью, по-новому взглянув на ту или иную проблему.

Одна из условий продуктивной работы новостийщиков – хорошее планирование, которое позволяет помнить о каком-то ожидаемом событии и осветить его раньше, чем это сделают конкуренты. Также мы постоянно следим за большими темами, любое развитие которых привлекает общественное мнение.

В этом заключается и миссия журналиста, который должен быть любопытен. Наш глаз должно привлекать все новое, необычное, что есть вокруг. Но при этом журналист должен быть честным: он не должен обманывать ни зрителя, ни руководство телерадиокомпании.

И обязательно необходимо стремиться к новым знаниям. Журналист, который не хочет учиться и узнавать что-то новое, дисквалифицируется, теряет стимул к работе и ухудшает собственные перспективы карьерного роста.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОЛИТИКА – ЭТО НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Л.Д. ТРОЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ «ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»)

Максимова Ю.А.

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

Самым распространенным источником метафоры для оценочной характеристики человека является номинация представителей животного мира. Метафора используется говорящим чаще всего для образной оценки человека, его внешности, поведения, характера, интеллекта и др. Именно здесь на помощь приходит зооморфная метафора.

Метафора-зооморфизм – это способ языковой репрезентации характеристики человека через уподобление его внешнего облика, особенностей поведения, черт характера и т.п. образу животного. Зооморфная метафора является метафорической номинацией, когнитивным источником которой служит «образ» животного, перенесенный на человека.

В зооморфной метафоре, с одной стороны, образу животного приписываются антропоморфные свойства (черты характера, поведения, образа жизни человека), с другой стороны, этот образ проецируется на человека, которому приписываются зооморфные характеристики (повадки, нрав, внешний вид животного).

Коммуникативной целью метафоры является желание говорящего оценить что-либо общепринятое. Когда говорящий оценивает другого человека, он часто обращает внимание на его недостатки, поэтому большинство зооморфных метафор характеризуют отрицательные качества.

В работе Л.Д. Троцкого «История русской революции» зооморфная метафора является одной из доминирующих моделей и представлена следующими фреймами: «Состав царства животных», «Части тела животных», «Действия животных», «Обращение с животными».

Фрейм «Состав царства животных» реализован слотом «Собственно животные»:

<...> Вожди прогрессивного блока до конца продумывали лишь один вопрос: как оградить себя от ответственности, не связывая себе рук. Задача Комитета была определена с тщательной двусмысленностью: «Восстановление порядка и сношение с учреждениями и лицами». Ни слова о том, какой порядок эти господа думают восстанавливать, ни о том, с какими учреждениями они собираются сноситься. Они не протягивали ещё открыто руки к шкуре медведя: а что, если он не убит, а лишь тяжело ранен? [Троцкий 1990, с. 295].

В приведённом контексте старый режим представляет собой образ медведя, раненного и слабого. Но, тем не менее, Комитет ещё боится его, так как до сих пор не уверен, уничтожен ли он.

Как известно, в естественной среде медведь является одним из самых сильных животных, именно поэтому его так боятся даже в раненом состоянии, следовательно, в контексте актуализируется семантика мощи и могущества старого режима. В силу агрессивного поведения в естественной среде медведь стал объектом охоты, так как представляет опасность для установления нового режима, поэтому становится врагом, которому надо противостоять, объединив совместные усилия, а в лучшем случае – убить.

В следующем примере мишенью для метафоризации является крокодил, происходит пересечение с фреймом «Действия животных»:

<...> Таким тоном благодушного крокодила гогенцоллернская дипломатия разговаривала в Брест-Литовске с делегатами Украинской Рады, воздавая должное их государственной зрелости, прежде чем поглотить их. Если советская демократия не была проглочена буржуазией, то в этом не заслуга Суханова и не вина Миллюкова [Троцкий 1990, с. 306].

Гогенцоллернская дипломатия представлена в контексте как крокодил, на первый взгляд благодушный ('добродушный, мягкосердечный', 'проникнутый умиротворённостью, снисходительностью' – БАС), но дальнейший контекст говорит нам об обратном – он собирается поглотить ('съесть, проглотить' – БАС) украинских делегатов. В примере очень точно описана тактика поведения крокодила при выслеживании своей жертвы: он сначала неподвижен и безобиден, но потом резко нападает.

Буржуазия также уподобляется животному существу, но она не агрессивна.

Лексема «хищник», используется в тех случаях, когда на первый план выступает указание на отсутствие присущих государству и его правителям моральных качеств, когда подчеркиваются жестокость, беспощадность или обостренное чувство самосохранения:

<...> Без вмешательства третьей силы – революции – Бельгия может в результате войны остаться в тисках Германии, попасть в кабалу к Великобритании или быть поделенной между великодержавными хищниками обеих коалиций [Троцкий 1990, с. 127].

В качестве жертвы в данном контексте выступает Бельгия, которая попала в лапы хищникам – Германия и Великобритания. Негативный потенциал данной метафоры акцентируется и за счёт включения механистической модели: Германия описывается как безжалостный механизм, попав в тиски которого, уже нельзя оттуда выбраться.

Активно представлен и фрейм «Части тела животных».

Зооморфная метафора позволяет выразить особую агрессивность и безжалостность ростовщического капитала по отношению к крестьянину.

В докапиталистических формациях ростовщический капитал предоставлялся главным образом в форме ссуд крупным земельным собственникам (рабовладельцам, феодалам) и ссуд мелким производителям (ремесленникам, крестьянам и др.). В последнем случае он поглощал не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта, произведённого заёмщиком. Отсюда и лексемы, несущие негативный, агрессивный смысл – пасть, жертва. Ростовщический капитал представлен как животное, готовое съесть, а крестьянство как жертва:

Современное буржуазное государство посредством фиска и милитаризма толкает крестьян в пасть ростовщическому капиталу, а посредством государственных попов, государственной школы и казарменного развращения делает его жертвой ростовщической политики [Троцкий 1990, с. 98].

При зооморфном описании типовых действий политики особенно часто используются наименования частей тела животных, ориентированных на агрессивную функцию. Органом проявления агрессивности могут быть даже щупальца:

<...> Другими словами, демократия чувствовала себя не признанной руководительницей народа в момент его революционного подъёма, а левым крылом буржуазного порядка, его щупальцем, протянутым в массы [Троцкий 1990, с. 304-305].

Фрейм «Действия животных» представлен обширнее и реализуется в слотах «Агрессивные действия», «Образ жизни животных». «Отношения между политическими партиями и отдельными политиками, действия субъектов социальной и экономической деятельности в современной политической речи часто обозначаются

зооморфной метафорой, что позволяет выразить особую агрессивность, безжалостность, а иногда и бездумность политической борьбы» [Чудинов 2001, с. 139]. То же самое обнаруживаем в работе Троцкого.

Для усиления эмоционального воздействия Л.Д. Троцкий использует приём противопоставления метафор:

Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутьё, которое в области общественной – то же самое, что и мышечное ощущение в физическом труде. Но революционное чутьё нельзя смешивать с демагогическим нюхом. Этот последний может давать преходящие успехи, и даже очень эффективные. Но это политический инстинкт низшего порядка [Троцкий 1990, с. 191].

Здесь антропоморфная метафора *чутьё* – «способность человека подмечать, понимать что-либо» (БАС) противопоставлена зооморфной метафоре *нюх* – «обоняние (обычно у животных)» (БАС). Революционное *чутьё* как инстинкт высшего порядка находится в антитезе к демагогическому нюху как инстинкту низшего порядка.

Достаточно широко представлен слот «Агрессивные действия». Л.Д. Троцкий усиливает воздействующую силу метафоры, уподобляя государство человеку-хищнику, животному:

В результате <...> давления Западной Европы государство поглощало непропорционально большую долю прибавочного продукта, то есть жило за счёт формировавшихся привилегированных классов, и тем задерживало их и без того медленное развитие. Но мало этого. Государство набрасывалось на «необходимый продукт» земледельца, вырывало у него источники его существования, сгоняло его этим с места, которого он не успел обогреть, и тем задерживало рост населения и тормозило развитие продовольственных сил [Троцкий 1990, с. 86].

Восстание победило. Но кому оно передало вырванную у монархии власть [Троцкий 1990, с. 289].

<...> Огромные сдвиги, происшедшие в массах за два с половиной года войны, оставались почти вне их поля зрения. Между тем переворот не только вырвал их из изолированности, но и поставил, в силу авторитетности, на решающие посты в партии [Троцкий 1990, с. 327].

Государство-хищник проявляет особую агрессивность: *набрасывается* («бросившись, напасть на кого-нибудь» - БАС), *вырывает* («резким движением, рывком удалить, извлечь, взять» - БАС), *сгоняет* («гоня, удалить откуда-нибудь» - БАС). Обе модели – зооморфная (хищник) и антропоморфная (человек-завоеватель) – в данном случае одновременно являются мишенями, которые активно эксплуатируются для формирования метафоры *государство-хищник*, *государство-завоеватель*. Причём, и та и другая модель, используемые для формирования метафорического образа государства, являются близкими по смыслу – это модели с «концептуальными векторами» агрессивности и соперничества [Чудинов 2003, с.179-180].

Русский марксизм поистине может гордиться тем, что он один уяснил направление развития и предсказал его общие формы, в то время как либерализм питался самым утопическим «практицизмом», а революционное народничество жило фантасмагориями и верой в чудеса [Троцкий 1990, с. 91-92].

Признаки живого существа приписываются не только государству, но и идеологии этого государства – марксизму. В данном случае марксизм представлен как человек, проявляющий свои способности в интеллектуальной области: он *гордится* («испытывать гордость от чего-нибудь» - БАС), он *уясняет* («сделать ясным, яснее» - БАС), он *предсказывает* («заранее сказать, что произойдёт в будущем» - БАС). Очеловеченный марксизм противопоставлен животному либерализму, который *питается* («о живом организме: получать и усваивать вещества, необходимые для существования» - БАС) «практицизмом». Здесь снова используется приём акцентирования метафоры – антитеза. Кроме того, *марксизм*, будучи уподоблен человеку, представлен как единственно правильно и реалистично думающее ментальное существо, в то время как *либерализм* и *революционное народничество* – суть неконструктивно мыслящие существа: они уподоблены особям с утопическим, фантасмагорическим типом мышления.

В следующем примере зооморфная метафорическая модель разворачивается в слоте «Образ жизни животных». Государства представлены как животный мир, в котором действуют и законы животные – закон борьбы за существование:

Суть <...> не в том, что Россия была окружена врагами со всех сторон. Одного этого недостаточно. В сущности, это относится и ко всему другому из европейских государств, кроме разве Англии. Но в своей взаимной борьбе за существование эти государства опирались на приблизительно однородный экономический базис, и потому развитие их государственности не испытывало таких могучих внешних давлений [Троцкий 1990, с. 85-86].

Фрейм «Обращение с животными» представлен единичным примером и реализуется через слот «Животные как объект агрессии»:

<...> "Новая ориентировка" и "новая дорога" - это и есть перевооружение партии. Но уже шесть лет спустя Ярославский, упомянувший, в качестве историка, о том, что Сталин в начале революции занимал

"ошибочную позицию в основных вопросах", подвергся свирепой травле со всех сторон. Идол престижа есть самое прожорливое из всех чудовищ![Троцкий 1990, с. 350].

В данном примере Сталин представлен как некое животное, подвергаемое травле.

Как видим, использование зооморфной модели метафоры способствует своеобразному отражению оценочного компонента, т.е. в большинстве случаев неодобрительной оценки, заключенной в значении метафоры.

Список литературы

1. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 4. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. Троцкий, Л. Д. К истории русской революции / Троцкий Л. Д. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.
3. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. - Екатеринбург, 2003. - 248 с.
4. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М, 2008. - 214 с.
5. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов. - Екатеринбург, 2001. - 238 с.

О СПОСОБАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сандакова М.В.

Нижегородский государственный технический университетим. Р.Е.Алексеева, г.Нижний Новгород

Прилагательные, выражающие качественное значение, могут появляться в русском языке различными способами, изученными пока далеко не полно.

В русском языке есть пласт исходно качественных прилагательных. Кроме непроизводных слов (*весёлый, зелёный, хороший*), это прилагательные, образующиеся путём прямой мотивации с помощью суффиксов качества от основ различных частей речи: *лес – лесистый, полоса – полосатый, удивить – удивительный, ум – умный*.

Качественное значение может быть у прилагательного вторичным и возникать как результат семантической деривации, а также словообразовательно-семантических процессов.

Наиболее исследовано образование качественного метафорического значения. Метафорический перенос может порождать вторичное качественное значение как у прилагательного качественного (*глубокая река – глубокий ум*), так и относительного (*серебряные украшения – серебряный блеск луны*). Метафоризация описывается в лингвистической литературе как основной путь окачества, см., например, [Виноградов, Земская] и др. Такие значения обычно обладают образностью и оценочностью, ср. *изумрудная трава, лакейское поведение, кинжальный огонь*.

Кроме метафоры, существуют и иные пути развития качества посредством семантической деривации. Один из них – это специализация отношения, обозначаемого относительным прилагательным, см. [Сандакова]. При специализации широкого неконкретизированного отношения, исходно выражаемого относительным прилагательным, происходит сужение и конкретизацию отношения до вполне определённого значения, которое может быть сформулировано в словарном толковании. Например, таким способом возникает качество у прилагательных, образованных от параметрических имён, а также от некоторых других существительных, имеющих в своём значении градационный компонент. Их качественное значение образуется по модели: 'такой, который относится к данному параметру' – 'такой, который в значительной / высокой степени проявляет свойство, определяемое данным параметром'. Специализирующая сема может быть сформулирована как 'значительная / высокая степень проявления свойства'. Например: *скоростной режим – скоростной автомобиль; рейтинговый вопрос – рейтинговый политик; возрастные особенности – возрастной хоккеист*. Ср. также в более широком контексте: *Вся дистанция идёт по твёрдому песку или по мелководью, возрастное теломоё вдыхает бриз, слышится ровный рокот Океана...*(В. Аксёнов. Редкие земли).

Аналогично происходит специализация отношения и у других прилагательных, в значении которых возможно появление семантических компонентов 'большое количество' или 'высокая степень проявления свойства': *денежная реформа – денежная работа, человек; тиражная комиссия – тиражная книга*. Ср. также: – *Выпьём, будущий каторжник, за твоё будущее. Если ты убьёшь денежного человека, поделись со мной...* (М.

Горький. Бывшие люди.) *Максимов в русской литературе – фигура интересная... Он создал и двадцать лет редактировал самый тиражный и престижный органрусской эмиграции «Континент», в редколлегия которого входили Сахаров и Бродский, а в число постоянных авторов – Аксёнов и Солженицын.*(Д. Быков. Булат Окуджава.)

Вторичное качественное значение может быть результатом словообразовательно-семантических процессов.

Возникновение вторичного качественного метафорического значения представляет собой довольно сложное и разноплановое явление, в рамках которого можно выделить явления двух типов: отражённая метафора и метафорическая мотивация.

Отражённая метафора связана с наследованием метафорического значения производящего производным словом. Для имени прилагательного отражённая метафора обычно осложняется двойной мотивацией.

Например, прилагательное *туманный* в метафорическом значении ‘неясный, непонятный, неопределённый’ [МАС] мотивировано, с одной стороны, метафорическим значением производящего существительного *туман*: ‘употребляется для обозначения неясности, неопределённости, непонятности’ [МАС] (отражение в производном метафорического значения производящего); с другой стороны, исходным значением относительного прилагательного *туманный* как ‘такой, который относится к туману’. Такие явления исследованы в работе [Ермакова: 119].

Прилагательные с исходно качественным значением образуют вторичное метафорическое значение аналогично. Например, прилагательное *прилипчивый* допускает две мотивации: метафорическим значением глагола *прилипнуть* как ‘привязаться к кому-либо’ [МАС] и прямым значением самого прилагательного ‘навязчивый, надоедливый’ [МАС].

Метафорическая мотивация представляет собой явление, когда «переносный смысл возникает у определённых основ только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре» [Лопатин: 269]. Например, прилагательное *плакучий* содержит сравнение дерева со свисающими ветвями и плачущего человека. У мотивирующего глагола *плакать* нет метафорического значения, которое бы описывало дерево. Значение ‘имеющий длинные свисающие ветви (о деревьях и кустарниках)’ [МАС] появляется только у прилагательного. Имена прилагательные, образованные в результате метафорической мотивации (*беспочвенный, змеистый, неизгладимый, угловатый, урывочный*), описаны в [Козинец].

Ещё один словообразовательно-семантический процесс – возникновение качественного метонимического значения как результат метонимической мотивации. Мотивация метонимическим значением встречается реже, чем метафорическая. Немногочисленные случаи усвоения метонимического значения производным от производящего, связаны, по наблюдениям О. П. Ермаковой, с относительными прилагательными типа *лисий, бараний*. Например, значение прилагательного *лисий* ‘такой, который сделан из меха лисы’ опирается на метонимическое значение существительного *лиса* ‘мех лисы’, ср.: *надеть рыжую лису – надеть лисью шубу; жарить барана – жарить бараньи котлеты* [Ермакова: 82].

Производное прилагательное, мотивированное метонимическим значением, может сохранять принадлежность к разряду относительных (*лисий воротник; беличья шапка*).

В других случаях возникают производные с качественным значением. Например, прилагательное *головной* означает ‘идущий от сознания, рассудка; рассудочный’ (устар.) [МАС]. Ср.: *головная боль – головное решение, жизнь, чувство, произведение*. Это значение мотивировано метонимическим значением мотивирующего существительного *голова*: ‘ум, сознание; рассудок’ [МАС]. Несмотря на помету *устар.* в МАС, оно сохраняет употребительность: ... *Женщина с «головной» любовью... не могла бросить в беде обожаемого кумира, как не бросила она стенографировать для него после их первой личной встречи...* (Л. Сараскина. Достоевский.)

Сформировавшееся в XX веке качественное значение прилагательного *кассовый* мотивировано метонимическим значением мотивирующего *касса* как ‘денежная наличность’, осложняемым ситуативными ассоциативными признаками ‘прибыль’, ‘доход’. Ср.: *кассовый аппарат, техника, чек, сбор, расходы, выплаты, обслуживание – кассовый фильм, спектакль, постановка, актёр*. Ср. вторичное значение в более широком контексте: ... «*Война и мир*» – *произведение кассовое, в нём нет упоительных арий наподобие Верди или Чайковского, много речитативов и разговоров под музыку* ... (Литературная газета. 23. 07 – 29. 07. 2014.)

Аналогично для прилагательного *адресный*, приобретшего недавно зафиксированное качественное значение ‘обращённый к определённой группе лиц, предназначенный им’ [ТСАЛ]. Данное значение мотивировано метонимическим значением существительного *адрес* как ‘конкретный объект, к которому обращено, которому предназначено что-либо’ [ТСАЛ]: *адреса социальной помощи*. Ср.: *адресная книга – адресная помощь, льготы, направление бюджетных средств, рассылка рекламы, программа кредитования*. Ср.

вторичное качественное значение в более широком контексте: *Совмин Республики Крым утвердил адресную программу капитального ремонта многоквартирных домов на 2014 год.* (Российская газета. 09. 07. 2014.)

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
2. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М. : Русский язык, 1984. – 152 с.
3. Земская Е. А. Классы производных слов // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 120–196.
4. Козинец С. Б. Словообразовательная метафора в русском языке. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. – М., 2009. – 46 с.
5. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Лопатин В. В. Многогранное русское слово : Избранные статьи по русскому языку. – М. : «Издательский центр “Азбуковник”», 2007. – С. 267–271.
6. Сандакова М. В. Об одном механизме формирования качественного значения у относительных прилагательных (на материале прилагательных, мотивированных параметрическими именами) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011, № 6 (2). – С. 610–614.
7. Словарь русского языка в четырёх томах. Изд. 3-е. / Гл. ред. А. П. Евгеньева (МАС). – М. : Русский язык, 1985.
8. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой (ТСАЛ). – М., 2006.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

СЕКЦИЯ №18.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СЕКЦИЯ №19.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СКАЗОЧНО-ФАНТАЗИЙНОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Тананыхина А.О.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г.Санкт-Петербург

Термин «картина мира» включает в себя значительное количество разнообразных признаков, что отражается в большом числе различных вариантов определений этого термина. О. А. Радченко абсолютно прав, считая, что терминологическая диффузность, зыбкость, эфемерность понятия «картина мира» дополняются тем фактом, что термин «картина мира» вовсе не стал аксиоматичным феноменом в лингвистике, хотя его можно считать одним из фундаментальных признаков идиоэтнической парадигмы в современной философии языка [Радченко, 2002: 141]. Чрезвычайно интересным является определение, данное Р.Й. Павиленисом, который считает, что картина мира, или «концептуальная система» это «непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павиленис, 1983: 280]. Следует согласиться и с уточнением В.А. Пищальниковой, что в данном определении акцентируется отражаемый опыт индивида как на языковом, так и на доязыковом уровнях. Язык рассматривается и как часть концептуальной системы индивида и как средство построения и символического представления концептуальной системы. Существенно и то, что концептуальная система образуется не только в результате воздействия

объективной действительности, но и в результате рефлексии как процесса самостоятельной работы мышления над структурированием своего содержания, причем процесса континуального [Пищальникова]. Таким образом, в языковой картине мира отражаются не только знания о мире, но и восприятия и переживания, ощущение мира, размышления и оценочная информация о мире, а также заблуждения по поводу мира и фантастические представления, мечты и вымысел.

Сказочные тексты с давних времен являются спутниками человечества. Сказочно-фантазийная картина мира, которая представлена в современных сказочных текстах, своими корнями уходит в мифологическое мировоззрение, доставшееся нам еще от первобытного общества. Общеизвестно, что мифологическое мировоззрение совмещает в себе сакральное, т.е. тайное и волшебное; и профанное, т.е. обыденное и общедоступное. По словам Е.М. Мелетинского, мифологическое мировоззрение превратилось в поэтическую форму волшебной сказки [Мелетинский, 1998: 293]. Таким образом, можно сказать, что сказочно-фантазийная картина мира, которая сегодня предстает перед нами в многочисленных текстах разных жанров, а не только в фольклорных и литературных сказках, унаследована нами от первобытного общества, где миф служил для ритуализации повседневности, давая возможность человеку обрести смысл жизни. Представляется правомерным определить сказочно-фантазийную картину мира как совокупность всех сказочно-фантазийных представлений о мире, которая присутствует во многих фантазийных текстах сказочной направленности. В современной художественной прозе сказочно-фантазийные тексты встречаются в жанре любовного романа [Тананыхина, 2014а: 110-119], триллера, детектива [Тананыхина, 2013: 237-244], а также и в текстах других литературных жанров.

Вслед за проникновением в различные жанры художественной литературы, необходимо отметить проникновение сказочно-фантазийной картины мира и в нехудожественную коммуникацию. Появилось значительное количество анекдотов, в которых репрезентирована сказочно-фантазийная картина мира, чрезвычайно популярной становится и реклама со сказочно-фантазийными элементами. Таким образом, необходимо признать, что сказочно-фантазийная картина мира является чрезвычайно притягательным явлением для человечества, и в настоящее время сказочно-фантазийная картина мира выходит за рамки традиционных жанров, ранее являвшихся ее основными источниками и базовыми репрезентантами, фольклорных и литературных сказок.

В современном англоязычном дискурсе элементы сказочно-фантазийной картины мира присутствуют не только в художественной коммуникации, они существуют и в нехудожественной коммуникации, например, в анекдотах, рекламе и даже в брачных объявлениях.

Анекдот относится к юмористическому дискурсу, который, по точному замечанию В.И. Карасика, можно рассматривать как текст, “погруженный в ситуацию смехового общения” [Карасик, 2002: 363]. Анекдот принадлежит к числу устных видов словесности, как и сказка, он строится по законам жанра фольклорных текстов [Там же, с. 371]. Анекдот и сказка имеют много общего в своей природе, можно сказать, что они являются смежными жанрами, именно поэтому В. Я. Пропп относит анекдот к разновидности бытовой сказки [Пропп, 1976: 49]. С этим трудно согласиться, так как с течением времени жанр анекдота развивается, совершенствуется и поэтому сложно отнести все разновидности анекдота к бытовой сказке. Поскольку анекдот является емким, пластичным и изменяющимся под влиянием времени жанром, в англоязычной культуре в последнее время все больше появляется анекдотов, содержащих сказочно-фантазийные образы [Тананыхина, 2014б: 287-292].

Элементы сказочно-фантазийной картины мира активно применяются в рекламе. Многие фирмы используют различного рода аллюзии на известные сказки и сказочных персонажей. С этой точки зрения, наиболее популярными являются сказки «Золушка» и «Красная шапочка». Например, косметическая фирма “Revlon”, использовала слоган ‘Cinderella – nails and the Magic Wand’, рекламируя свои косметические средства, а автомобильная фирма “General Motors” пользовалась слоганом ‘A Coach for Cinderella’ для продвижения своих автомобилей. Компания спортивной одежды, обуви и инвентаря “Adidas” выпустила рекламный ролик-мультфильм, в котором Красная шапочка убегает от Волка в фирменных кроссовках “Adidas”, действие сопровождается слоганом: ‘Adidas – Impossible Is Nothing’ [[http:// www.funnycommercialsworld.com/top-10-fairy-tale-commercials-14345.html](http://www.funnycommercialsworld.com/top-10-fairy-tale-commercials-14345.html)].

Известная фирма свадебных нарядов “Disney’s Fairy Tale Weddings and Honeymoons”, рекламируя свои платья и аксессуары, широко использует аллюзии на сказки «Золушка» (“Once Upon a Time... Not long ago, one girl dreamed of going to the ball and finding her prince. This famous fairy tale begins with a single wish, an exquisite dress and the dream of a lifetime...” [<https://www.disneyweddings.com/disney-boutique/veils/sleeping-beauty-collection-2/>]), «Спящая красавица» (“True Love Conquers All... With a single kiss, Sleeping Beauty's dream comes true. She finds her prince, falls in love and discovers that she's already a real princess” [Там же]), «Белоснежка» (“The Fairest of

Them All... The first to show us that true love lasts forever—Snow White finds her prince and claims her kingdom. The story of sweet elegance and enduring love makes this fairy tale come true” [Там же]), «Рапунцель» (“Let Your Dreams Light The Way... Spirited, adventurous, and curious, Rapunzel makes her own dreams come true. She discovers the beauty of the world, uncovers her royal identity and finds love” [Там же]) и др.

Сказочные мотивы используются и в брачных объявлениях. Часто в брачных объявлениях используются аллюзии на сказочных принцев, принцесс и других сказочных персонажей, например: “Can I be your Prince? - I love to work out at the gym and keep my body in shape, I like to play pool and go out for wings. I like to go to movies, I love biking and snowmobiling. I am not a sports freak or a video game nut. If I am with a woman, I am all hers” [<http://princesspark.date.com/men-dating/newbrunswick6.htm>]. Автор объявления эксплицитно выражает свое намерение: найти спутницу жизни, которая разделяла бы его интересы. Одновременно, он представляет информацию о себе и своих предпочтениях. Текст объявления представляет собой форму-описание, состоящую из 4 предложений. Основной акцент делается на первое и последнее предложение, в которых автор хочет предстать прекрасным принцем из сказки. Пример еще одного брачного объявления со сказочными мотивами: “Looking For the ONE. - Why contact me? I am the one your mom warned you about. Life is far too short to waste kissing frogs. Try a prince like me for a change. Seriously! I'm a 24-year-old engineer. I'm outgoing, funny, athletic, agile, witty, cute, sexy, and everything else that makes for a well-rounded young man [Там же]. Автор говорит о том, что он и есть тот единственный сказочный принц, о котором мамы рассказывали в детстве своим дочкам. Не стоит тратить время на других принцев, являющихся лягушками. В целом, объем брачного объявления определяется желанием автора. В данном случае, структура текста состоит из 8 предложений. Композиционно-речевая форма представляет собой рассказ с описанием автором тех качеств и характеристик, которые ему свойственны. Еще один пример брачного объявления, содержащего сказочные аллюзии, автором которого является женщина: “Where is my prince charming? - I am a single mom of 2 boys, ages 12 and 14. I work part time as a housecleaner/supervisor in training. I am looking for someone that doesn't play head games and likes to have fun. I enjoy going out on the town as well as cuddling on the couch watching a good movie” [Там же]. Как и в предыдущих объявлениях, присутствует отсылка к сказочным текстам о прекрасных принцах, одного из которых мечтает встретить автор объявления. Моделью построения этого объявления является рассказ с описанием семьи автора, двоих ее сыновей и черт характера. В рассказе-характеристике больше представлена эмотивная составляющая, апеллирующая к чувствам читателя.

Таким образом, к настоящему моменту в англоязычном дискурсе сказочно-фантазийная картина мира представлена не только в художественной коммуникации – в фольклорных, литературных, политкорректных сказках, в произведениях, написанных в жанре фэнтези, а также и в произведениях других литературных жанров, ранее не включавших в себя сказочно-фантазийную картину мира: в любовных романах, детективах и триллерах, но и в произведениях нехудожественной коммуникации. Сказочно-фантазийная картина мира присутствует в современных анекдотах, рекламе, брачных объявлениях.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. – 476 с.
2. Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. – 571 с.
3. Павиленис Р.Й. Проблема смысла. Логико-функциональный анализ языка. М., 1983. – 160 с.
4. Пищальникова В.А. Содержание понятия картина мира в современной лингвистике. URL: http://elibr.altstu.ru/elibr/books/Files/pa1998_1/pages/13/pap_13.html (дата обращения 28.07.14).
5. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. Москва, 1976. – 325 с.
6. Радченко О. А. Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка 20 века (статья) // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 140-160.
7. Тананыхина А.О. К вопросу о морфологии англоязычного сказочно-фантазийного детектива // *Studia Linguistica*, вып. 22. Межвузовский сборник научных трудов РГПУ им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2013. С. 237 – 244.
8. Тананыхина А.О. Композиционная структура англоязычного сказочно-фантазийного любовного романа // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал № 1. Том 7. Филология.* СПб, 2014а. С. 110-119.
9. Тананыхина А.О. К вопросу об англоязычном сказочно-фантазийном анекдоте // *Studia Linguistica*, вып. 23. Межвузовский сборник научных трудов РГПУ им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2014. С. 287 – 292.
10. <http://www.funnycommercialsworld.com/top-10-fairy-tale-commercials-14345.html> (дата обращения: 17.06.2014).

11. <https://www.disneyweddings.com/disney-boutique/veils/sleeping-beauty-collection-2/> (дата обращения: 27.07.14).
12. <http://princesspark.date.com/men-dating/newbrunswick6.htm>

СЕКЦИЯ №20. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

СЕКЦИЯ №21. КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

СЕКЦИЯ №22. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Харькова Е.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г.Казань

Проблема специализированного перевода в сфере права обрела свое значение в связи с непрерывным развитием и становлением международных связей, а также с глобализацией экономики. Перевод, по словам Л.К.Латышева, «один из видов человеческой деятельности, наиболее совершенный вид языкового посредничества» [4, с. 14].

Перевод правовых документов требует особенного внимания, поскольку он главным образом основывается на абстрактных понятиях, прочно укоренившихся в отечественной культуре, и влечет за собой переход из одной лингвокультуры в другую.

Сложность перевода правовых документов зависит от того, насколько связаны между собой две правовые системы, отраженные в нем. К примеру, правовая система Ирана основана на исламском праве и подчиняется гражданскому кодексу. Великобритания, напротив, не обладает письменной конституцией, и правовая система страны состоит из четырех частей: статутное право (*statute law*), англо-саксонское право (*common law*), конвенции (*conventions*) и работа административных органов (*works of authority*). Город-графство в Англии переводится как *county of city (of town)*, где *county* - графство, а город-округ в США переводится как *a metropolitan town*, где *county* - округ.

Понятия *condition* и *warranties* в значении «существенные условия» и «простые условия» употребляются исключительно в английском контрактном праве. В американском праве *warranty* имеет только значение «гарантия», «поручительство».

Зачастую переводчик сталкивается с терминами, к которым сложно подобрать соответствующий юридический эквивалент. Например, в итальянской правовой системе нет таких понятий, которые могли бы выразить такие английские слова как *estoppel*, *consideration* и *undue influence*. В подобной ситуации переводчику приходится выразить слово посредством его словарного определения. Переводчику необходимо обладать значительными познаниями в сфере права, учитывать разницу между несколькими правовыми системами и быть очень точным при переводе различных понятий. Даже незначительные ошибки в переводе текста могут привести к абсолютно противоположному толкованию его смысла и, как следствие, «побудить к каким-либо неправильным действиям» [2, с.154].

Существует огромное количество лексических особенностей языка юриспруденции, которые могут представлять трудности для перевода, не всегда просто найти полный эквивалент устойчивому сочетанию или термину при помощи специального словаря.

Такое понятие, как *unenforceable contracts* в русском гражданском законодательстве отсутствует, а значит, отсутствует и термин. С переходом к рыночной экономике в русский язык хлынул поток терминов, перевод которых основывается преимущественно на переводческой транскрипции (разного вида «свопы», «ньюнсы»,

«греспассы», «факторинги» и великое множество других). Однако прием переводческой транскрипции далеко не всегда возможен. В таких случаях англо-русские словари дают описательные переводы. Так, Англо-русский юридический словарь под редакцией С. Н. Андрианова для *unenforceable* дает следующие соответствия: «не снабженный исковой силой», «не могущий служить основанием для иска» [1]. Такие описательные переводы, несомненно, передают смысл, лежащий в основе английских терминов, но они обладают одним недостатком – многословием. Они применимы лишь при однократном использовании такого термина.

Словосочетание *contract of bailment* также может стать примером труднопереводимых терминов. Действительно, практически невозможно найти в русском языке термин, который охватывал бы такие различные операции, как сдача вещей в химчистку, передача важных документов в банк на хранение, прокат оборудования, лизинг и т. д. Переводчику лишь остается прием конкретизации. Точно так же можно поступить в отношении выражения *goods shipped in bulk*: в зависимости от товара – уголь, песок, нефть – мы, соответственно, переводим: «товар, отгружаемый навалом, или насыпью, или наливом».

Одной из самых ярких лексических характеристик юридических текстов является обилие так называемых «латинизмов». Этому способствовали несколько причин: во-первых, влияние латинского языка во время главенствования римско-католической церкви на правовую систему Англии было неизбежно, во-вторых, латинский язык на протяжении долгого времени был языком образования и литературы. Наиболее общеупотребительными латинскими выражениями являются: *bona fide, res judicata, actus reus, alibi, inter alia* и другие.

Существование юридических терминов французского происхождения обусловлено влиянием Нормандского завоевания Англии в 1066 году, поскольку французский язык надолго занял место в правовой сфере Англии. Такие термины, как *contract, proposal, schedule, terms, conditions, policy, alias, quash* и другие, пришли из французского языка.

Перед переводчиком встает проблема, как ему поступать с такими латинскими и французскими вкраплениями в английский текст. Возможны три варианта: транслитерировать, переводить наравне с исконными английскими словосочетаниями и переносить в текст перевода подобные сочетания в их латинском или французском написании.

Транслитерация, как правило, возможна лишь тогда, когда соответствующее латинское слово вошло в русский язык и зафиксировано в словарях. Транслитерация выступает в таком случае как основной прием заимствования, а число слов, вошедших таким образом в лексический состав русского языка, довольно велико. Более редкое явление – это транслитерация словосочетаний или возникновение слов на основе таких словосочетаний. Приведем некоторые примеры: *ad valorem* – адвалорем, *alma mater* – альма-матер, *de facto* – де-факто, *de jure* – де-юре, *fac simile* – факсимиле, *modus Vivendi* – модус вивенди, *sine cura* – синекура, *vade tecum* – вадемекум. При этом надо учитывать, что транскрибированные латинские словосочетания приобретают в русском языке значение, отличное от буквального перевода на русский соответствующего латинского оборота.

В английском языке проблема транслитерации не возникает, и слова или словосочетания, которые воспринимаются именно как латинские или французские, набираются курсивом. Именно в силу краткости этих латинских выражений им нередко отдается предпочтение перед соответствующими английскими словосочетаниями.

Лексика английского юридического языка является достаточно консервативной и состоит из множества архаичных терминов и клишированных выражений, и тому есть основание. П. Тиерсма утверждает, что юридический язык стремится к высокому уровню формальности, что подразумевает обращение к архаичному языку [9, с.121].

Согласно данному утверждению, архаизмы придают языку оттенок формальности, и многие авторы предпочитают использовать устаревшие слова и выражения вместо их современных эквивалентов. Например, слова, такие как *ask, read, at once* заменяются следующими: *inquire, peruse* и *forthwith* соответственно. Другим примером может служить употребление глагола *witnesseth* (свидетельствует, доводит до сведения) с сохранением архаичного суффикса *-eth* вместо *witnesses*.

Существует множество архаичных наречий, сложенных из таких слов как *here, there, where* и некоторых предлогов: *of, after, by, under* и т.д. Вот малая часть примеров данных слов и выражений: *as annexed hereto* – приложенный к данному документу; *henceforth, hereinafter* – в дальнейшем; *hereon* – на этом (документе), на этой основе; *heretofore* – ранее, до сего времени; *herewith* – настоящим; посредством этого, настоящим (сообщается и т. п.); *thereafter* – с этого времени, после этого, затем, в дальнейшем; *therefore* – потому, поэтому, следовательно, зато; *hereinbefore* – выше, ранее (в документе).

Несмотря на очевидное преимущество использования архаичных выражений в текстах правовых документов, их функциональность является предметом споров. Некоторые термины и выражения, вышедшие из

повседневного употребления, являются препятствием к полному пониманию текста. Именно поэтому для читателя, не разбирающегося в особенностях лексики юридического языка, текст покажется трудным для восприятия.

Как известно, характерной чертой термина является однозначность вне зависимости от контекста. Однако зачастую переводчик постоянно сталкивается с многозначностью терминов, значение которых выявляется только на основе контекста, а также с синонимичными словами с различными оттенками значения.

В официальном переводе на английский язык Гражданского кодекса РФ нарушение договора нередко переводится как *violation of the contract*, что не соответствует принятой в английском языке терминологии. «Нарушению договора» однозначно соответствует *breach of contract*. Такого рода погрешности в переводе Гражданского кодекса далеко не единичны: «изменение договора» переводится как *change of contract* вместо общепринятого *modification of contract*; «доверительно управление» переводится как *confidential management*, тогда как стандартный английский термин в таком контексте – *fiduciary* («доверительный», «основанный на доверии») и т. д.

В английских юридических текстах достаточно часто можно встретить выражение *terms and conditions*. Никакого дополнительного смысла в слово *condition* здесь не вкладывается. Это не более чем парные синонимы. Так, *terms and conditions of a documentary credit* переводится просто «условия документарного аккредитива». Попытки перевести оба термина – «постановления и условия» - могут только ввести в заблуждение.

Слово *business* является весьма ёмким, и переводчик юридическо-коммерческих текстов должен различать следующие его значения:

1. без артикля и только в единственном числе: «предпринимательская деятельность», «торгово-промышленная деятельность», «торговля», «деловые операции»;
2. с неопределенным артиклем, как в единственном, так и во множественном числе: «фирма», «предприятие», «дело»;
3. с определенным артиклем: «сделка»;
4. только в единственном числе: «клиентура», «покупатели».

Термины *liability* и *responsibility* переводятся одинаково «ответственность» и нередко могут трактоваться как парные синонимы. Однако *responsibility* – более общий термин, тогда как *liability* имеет оттенок «материальная ответственность». *Responsibility* часто используется в уголовном праве и международном праве: *state responsibility* – ответственность государства. *Liability* употребляется исключительно в гражданском праве.

Термины *remedy*, *relief* и *redress* обозначают одно и то же и призваны выполнять различные функции: предотвращение нарушения контракта, обеспечение его исполнения, исправление положения, выплата компенсаций пострадавшей стороне. Соответствующих терминов для каждого из вышеуказанных слов в русском языке не существует, и поэтому остается довольствоваться описательным переводом: «средство правовой защиты, средство защиты прав потерпевшей стороны».

Особого внимания заслуживает прилагательное *remedial*. Случаи образования прилагательных от существительных, которым в русском языке соответствуют словосочетания, нередки. В таких случаях приходится давать развернутый перевод: *at a remedial stage* - на этапе применения средств правовой защиты, *remedial flexibility* - гибкость при использовании средств правовой защиты.

При переводе юридических текстов переводчику приходится сталкиваться с жанрово-стилистическими различиями между английской научной прозой и русской. Если для русского научного труда в целом характерен более сухой, формализованный, обезличенный стиль изложения, стилистически нейтральные обороты речи, то английские авторы научных трактатов часто стремятся оживить манеру высказывания, придать ему живую интонацию, сделать текст эмоционально окрашенным. Такая большая раскованность текста достигается путем использования чисто разговорных оборотов и разного вида фигур речи. Например:

- Such terms are offered on “*take it or leave*” basis;
- To confine the role of the court to that of *a rubber stamp*;
- To *avoid the clutches* of the penalty clause.

Несмотря на то, что использование аббревиатур в текстах правовых документов считается нежелательным, существует ряд общепринятых сокращений, зафиксированных в словарях: EU (EC) - European Union (Европейский союз), UCC (ETK) - Uniform Commercial Code (единообразный торговый кодекс), MCA - Minors' Contract Act (закон о контрактах, заключенными несовершеннолетними), CM - Current month (текущий месяц), CMV - Current market value (текущая рыночная стоимость), P. p. - Per procuracionem (по доверенности) и т.д.

Данные примеры показывают, что «способы перевода юридических документов могут варьироваться и комбинироваться» [3, с.109]. При переводе юридических текстов переводчику всегда следует помнить не только о различной структуре языков, но, что немаловажно, об этнокультурных различиях правовых систем разных стран,

стараясь при этом сохранить структурную близость перевода оригинальному тексту, обращая особое внимание на значение специальных юридических терминов и случаи их употребления в тех или иных ситуациях.

Список литературы

1. Андрианов, С. Н. Англо-русский юридический словарь / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Никифоров. – М.: АБИ Пресс, 2009. – 588 с.
2. Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во УРАО, 2000. - 208 с.
3. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. - М.: ЭТС, 2000. – 321 с.
4. Латышев, Л.К. Технология перевода. - М., 2001. – 278 с.
5. Anson, W. Law of contract. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – 464 с.
6. Sannikov, N. G. English law of contract. – М.: Р.Валент, 2010. – 188 с.
7. Sarcevic, Susan. Conceptual Dictionaries for Translation in the Field of Law // International Journal of Lexicography, 2(4). – 1989. - с. 277–293.
8. Sarcevic, Susan. New Approach to Legal Translation // The Hague, Kluwer Law International. – 1997. – 407 с.
9. Tiersma P.M. Frisian Reference Grammar PDF. 2nd edition. - Fryske Academy, 1999. - 147 p.
10. Subscriber agreement // International Security Exchange. – 2014 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ise.com/assets/files/market_data/ISE Market Data Subscriber Agreement/](http://www.ise.com/assets/files/market_data/ISE_Market_Data_Subscriber_Agreement/)
11. Большой юридический словарь. – 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://law-enc.net/>
12. Consultancy agreement // Free legal documents templates. – 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seqlegal.com/free-legal-documents/consultancy-agreement/>

СЕКЦИЯ №23.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

ИЗОМОРФИЗМ УЧЕБНО-ДИДАКТИЧЕСКИХ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ ТЕКСТОВ РАЗДЕЛА «ЧТЕНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ИСПЫТАНИЙ ТРКИ-2, ЕГЭ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ И FCE)

Кисельников А.С.

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г.Казань

В настоящее время в Европе уровень языковой компетентности кандидата владения иностранным языком оценивается по шкале Общеввропейской компетенции владения языком CEFR¹, главная цель которой – реализация единой системы оценивания языковой компетенции кандидата. Совет Европы разработал соответствующую директиву как основную часть проекта «Language Learning for European Citizenship» в период 1989-1996 гг. CEFR рекомендована Советом ЕС для создания национальных систем оценки языковой компетенции. Присоединение России к Болонскому процессу в сентябре 2003 года обозначило начало процесса унификации стандартов образования. Система CEFR является принятой в системе Российского образования [2].

Общеввропейская шкала владения иностранным языком CEFR выделяет три уровня (A, B, C), каждый из которых далее делится на два подуровня: A1 – уровень выживания (breakthrough); A2 – предпороговый уровень (waystage); B1 – пороговый уровень (threshold); B2 – пороговый продвинутый уровень (vantage) – ТРКИ-2, ЕГЭ, ПАС (FCE); C1 – уровень профессионального владения (effective operational proficiency) и C2 – уровень владения в совершенстве (mastery) [12].

ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) суть прямые, комплексные, объективные (содержащие единственный правильный ответ) тесты, с высокой значимостью для испытуемых, имеют готовую шкалу оценивания, соответствуют уровню B2 по Шкале общеввропейской компетенции владения языком CEFR. ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) предназначены для носителей языка и являются инструментом определения уровня владения

¹ Общеввропейские компетенции владения языком (Common European Framework of Reference — CEFR) — Общеввропейские компетенции владения языком: Изучение, преподавание, оценка. МГЛУ, 2003 (далее ОКВЯ (CEFR))

иностранном языке. Результат, показанный испытуемым – его характеристика для дальнейшего функционирования в обществе: обучение, трудоустройство и ряд других.

Учебно-дидактические экзаменационные тексты – цельные и связанные, актуализированные, дидактически смоделированные и организованные, в ряде случаев отличающиеся от первичного текста объёмом и сложностью.

Рассматриваемые в работе учебно-дидактические экзаменационные тексты языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) соответствуют уровню языковой трудности B2 по шкале Общеввропейской компетенции владения языком CEFR и содержат рецептивные задания, а именно тесты на множественный выбор (предполагающие выбор одного варианта из ряда предложенных), состоящие из: 1) текста для чтения; 2) текста задания, включающего а) инструкцию (указания к выполнению задания) (instruction²), б) варианты ответа (items), в) стемы (фраза или предложение с формулировкой идеи проверяемого) (stem), г) имеющиеся варианты ответов (options), включая верный (key) и ложные (distractors); 3) текста ответов.

Цель представленной работы заключается в поиске и демонстрации общего в учебно-дидактических экзаменационных текстах (далее УДЭТ) трёх языковых испытаний – тест по русскому языку как иностранному второго сертификационного уровня (далее ТРКИ-2), единый государственный экзамен по английскому языку (далее ЕГЭ) и экзамен на первый сертификат Кембриджского университета (First Certificate Exam – *Первый сертификационный экзамен по английскому языку*, далее ПАС (FCE)) – раздел «Чтение».

Объектом исследования являются формальные (состав и структура), лексико-грамматические параметры, а также жанровая принадлежность текстов для чтения трёх языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE)

Предметом исследования является изоморфизм учебно-дидактических экзаменационных текстов раздела «Чтение».

Актуальность работы определяется отсутствием сформированной исследовательской базы, подтверждающей допустимость сопоставительных исследований языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) уровня B2 по шкале Общеввропейской компетенции владения языком CEFR. В работе представлены общие положения нормативных документов языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE), подтверждающие допустимость сравнительно-сопоставительного анализа данных тестов.

Специфика проводимого исследования определяет интерес к рассмотрению учебно-дидактического экзаменационного текста раздела «Чтение» языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) уровня B2. Владение уровнем B2 предполагает ряд компетенций, а именно, кандидат: 1) имеет широкий запас активной лексики, не включающий низко частотные идиоматические выражения, способен адаптировать скорость и тип чтения в зависимости от конечной цели ознакомления с информацией, что формирует общую компетенцию чтения; 2) может быстро просматривать длинные и сложные тексты, распознавать в них связи, определять содержание и важность новостных заметок, тематическую принадлежность статей и репортажей, что представляет собой чтение для ориентирования; 3) способен извлекать информацию (факты, идеи, выводы) из специализированных источников, при необходимости, привлекая словари для интерпретации терминологии, что представляет собой чтение для извлечения информации; 4) понимает длинные, сложные инструкции – чтение инструкций; 5) способен воспринимать и обрабатывать фактуальную и концептуальную информацию, способен делать выводы на основе выдержек из новостных статей, интервью или документации, содержащей выводы, аргументацию или дискуссию, что является обработкой текста; 6) имеет хороший активный и пассивный запас лексики, что формирует его словарный запас; 7) способен узнавать слова, давать оценку лексики, осуществлять синтаксический анализ, установить значение сообщаемого, сформировать логический вывод, что является когнитивной обработкой информации, соответствующей уровню B2³ [10]. Данные компетенции проявляются в чтении для: 1) понимания сути текста; 2) извлечения конкретной информации; 3) детального понимания; 4) извлечение подразумеваемого и ряде других [6].

Рассмотрим общие положения языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE).

ТРКИ-2

Успешное прохождение языкового испытания ТРКИ-2 в качестве итогового государственного аттестационного экзамена является подтверждением высокого уровня коммуникативной компетенции испытуемого и даёт право на получения диплома: а) бакалавра естественнонаучного, гуманитарного (за исключением филологии), инженерно-технического, медико-биологического и экономического профилей в российских вузах; б) магистра естественнонаучного, гуманитарного (за исключением специалистов филологов, переводчиков, редакторов, журналистов, дипломатов, менеджеров, ведущих профессиональную деятельность в русскоязычном коллективе, для которых экзамен является промежуточным), инженерно-технического, медико-

² Терминология Applied Measurement Professionals. Inc., перевод здесь и далее мой – Александр Кисельников

³ Перевод мой – А. К.

биологического и экономического профилей лицам, поступившим в магистратуру с дипломом нероссийского вуза [4].

Компетенция кандидата языкового испытания ТРКИ-2 для раздела «Чтение» предполагает: 1) извлечение фактуальной информации, представленной эксплицитно и имплицитно; 2) извлечение концептуальной информации, где позиция автора представлена эксплицитно [4]. В разделе «Чтение» языкового испытания ТРКИ-2 учебно-дидактический экзаменационный текст соответствует социально-культурной или официально-деловой сферам общения, по типу является описательным или повествовательным, авторская позиция представлена эксплицитно [4].

Учебный текст для чтения ТРКИ-2 сопровождается учебным текстом задания на множественный выбор, состоящим из восьми стемов, одного правильного ответа и двух ложных. В качестве примера представим фрагмент из тренировочных тестов по русскому языку как иностранному второго сертификационного уровня [1]. Стем Город Зарайск интересен тем, что; варианты ответов: (А) *это один из древнейших городов России;* (Б) *с ним связано очень много легенд;* (В) *он является памятником национальной культуры.* Правильный ответ (В), ответы (А) и (Б) – ложные.

ЕГЭ по английскому языку

Единый государственный экзамен по английскому языку является формой итоговой аттестации учащихся средних учебных заведений Российской Федерации, а также кандидатов на поступление в высшие учебные заведения на территории РФ, требующих подтверждения компетенции владения иностранным языком для дальнейшего обучения на родном языке. «Результаты единого государственного экзамена по иностранному языку признаются общеобразовательными учреждениями, в которых реализуются образовательные программы среднего (полного) общего образования, как результаты государственной (итоговой) аттестации, а образовательными учреждениями среднего профессионального образования и образовательными учреждениями высшего профессионального образования – как результаты вступительных испытаний по иностранному языку» [8].

Предполагается, что кандидат в состоянии: 1) читать аутентичные тексты различных стилей (публицистические, художественные, научно-популярные, прагматические) с использованием различных стратегий/видов чтения в соответствии с коммуникативной задачей; 2) использовать ознакомительное чтение в целях понимания основного содержания сообщений, интервью, репортажей, публикаций научно-познавательного характера, отрывков из произведений художественной литературы; 3) использовать просмотровое/поисковое чтение в целях извлечения необходимой/запрашиваемой информации из текста статьи, проспекта; 4) использовать изучающее чтение в целях полного понимания информации прагматических текстов, публикаций научно-познавательного характера, отрывков из произведений художественной литературы; 5) отделять главную информацию от второстепенной, выявлять наиболее значимые факты; 6) определять свое отношение к прочитанному; 7) определять временную и причинно-следственную взаимосвязь событий, прогнозировать развитие/результат излагаемых фактов/событий, обобщать описываемые факты/явления; 8) определять замысел автора, оценивать важность/новизну информации, понимать смысл текста и его проблематику, используя элементы анализа текста [6].

В соответствии со Спецификацией ЕГЭ, текст должен характеризоваться законченностью, внешней связностью и внутренней осмысленностью; содержание должно учитывать возрастные особенности выпускника, не должно выходить за рамки коммуникативного, читательского и жизненного опыта экзаменуемого; текст должен соответствовать жанру, указанному в описании задания; содержание не должно дискриминировать экзаменуемых по религиозному, национальному и другим признакам; текст не должен быть перегружен информативными элементами: терминами, именами собственными, цифровыми данными [8].

Интерес, в рамках данного исследования, представляют тексты, относящиеся к третьему заданию в разделе «Чтение», т.к. только они по уровню языковой трудности соответствуют уровню В2. В разделе «Чтение» (задания А15-А21) ЕГЭ проверяется: 1) понимание основного содержания сообщений, несложных публикаций научно-познавательного характера, отрывков из произведений художественной литературы; 2) полное и точное понимание информации прагматических текстов, публикаций научно-популярного характера, отрывков из произведений художественной литературы; 3) выборочное понимание необходимой/интересующей информации из текста статьи, проспекта; 4) понимание структурно-смысловых связей текста [5]. Как следствие, для текстов определены: 1) спектр жанров (художественный или публицистический (*например*, эссе)); 2) тип информации (фактуальная и концептуальная); 3) значимость информации (основная, второстепенная); 4) внутритекстовые связи (синтагматические (конъюнкция, эллипсис и ряд других), парадигматические (субституция, референция и ряд других)).

Учебный текст для чтения сопровождается учебным текстом задания на множественный выбор, состоящим из семи стемов, одного верного ответа и трёх ложных. Приведём пример из демо-версии ЕГЭ по английскому языку 2013г. Стем *Why was the bath out of the question?* (Почему о принятии ванны не могло быть и речи?); варианты ответов: 1) *The water was too cold* (Вода была слишком холодной). 2) *There was no hot water* (Не было горячей воды). 3) *The bathtub was dirty* (Ванна была грязной). 4) *There was no light* (Не было света). Верный вариант ответа 3) *The bathtub was dirty* (Ванна была грязной). Ложными являются ответы 1, 2 и 4.

Первый аттестационный сертификат (FCE)

ПАС (FCE) является формой проверки языковой компетенции носителей языка, осуществляется не только в англоязычных странах, но также за их пределами. Согласно данным официальной страницы ПАС (FCE)⁴, успешная сдача ПАС (FCE) является подтверждением уровня языковой компетенции и означает возможность испытуемого получать образование на английском языке, а также способность работать и жить в англоязычных странах⁵.

Содержание языкового испытания определяется положениями кодификатора Ассоциации лингвистов-тестологов Европы (ALTE) и системой Общевропейской компетенции владения языком (CEFR).

Согласно отчёту опроса испытуемых языкового испытания ПАС (FCE), представленному на официальной странице ПАС (FCE)⁶, основными мотивами для прохождения испытания являются: трудоустройство, академические цели, личностный интерес определения уровня владения иностранным языком. Большинство проходящих ПАС (FCE) – это подростки в возрасте 15-17 лет. Материалом текстов для чтения в ПАС (FCE) служат художественные, публицистические, а также научно-популярные тексты.

Учебный текст для чтения сопровождается учебным текстом задания на множественный выбор, состоящим из восьми стемов, одного верного ответа и трёх ложных. В качестве примера рассмотрим фрагмент УДЭТ из *Handbook for Teachers. First Certificate Exam*. Стем *What did the writer find unusual about Darrowby?* (Что автору показалось странным в Дарроуби?); варианты ответов: **A** *the location of the bus stop* (расположение автобусной остановки), **B** *the small number of shops* (малое количество магазинов), **C** *the design of the square* (вид площади), **D** *the lack of activity* (отсутствие активности). Верным является ответ **D** *the lack of activity* (отсутствие активности), ответы А, В, С – ложные.

Далее обратимся к рассмотрению лексического минимума. Для успешного понимания содержания текста, важно знать большую часть его слов. «Согласно исследованиям Б. Лауфера [Laufer, 1989], Н. Лиу и И. Натиона [Liu, Nation, 1985] процент знакомой лексики должен составлять 95%» [6], а «для того, чтобы 97% лексики текста были знакомы читателю, он должен иметь словарный запас примерно в 5000 слов» [9]. Для ТРКИ-2 сформирован лексический минимум – 10000 слов (6000 слов относятся к активной части), – которым должен обладать кандидат для успешного выполнения тестовых заданий. Лексический минимум для всех языковых испытаний на английском языке, соответствующих уровню В2, изложен в соответствующем документе *Vantage* [12] и состоит из 5000 слов.

Рассмотрим грамматический минимум языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE), на основе информации, представленной в нормативных документах. Грамматический минимум языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) имеет ряд общих параметров: действительный и страдательный залог (настоящее, прошедшее и будущее время); инфинитив; неизменяемые формы глагола; причастия; наречия; исчисляемые/неисчисляемые существительные; прилагательные, степени сравнения прилагательных; количественные и порядковые числительные; личные, притяжательные, указательные местоимения; субъектно-предикативные отношения в двусоставных и односоставных предложениях; определительные, обстоятельственные и объектные отношения в простом и сложном предложениях; средства выражения различных семантико-синтаксических отношений в простом и сложном предложениях; коммуникативные типы предложений: утвердительные, вопросительные, отрицательные, побудительные; различные средства связи в тексте для обеспечения его целостности.

Наряду с общими параметрами, присутствуют различные. Для текстов на английском языке характерны: различные грамматические средства для выражения будущего времени; герундий; модальные глаголы и их эквиваленты; фразовые глаголы; конструкции намерения; артикли; косвенная речь; согласование времён; условные предложения реального и нереального характера. Для текстов на русском языке характерны: категории рода, падежа; семантика падежных форм.

⁴ Режим доступа, <http://www.cambridgeenglish.org/>, свободный

⁵ Режим доступа - <http://www.cambridgeenglish.org/exams-and-qualifications/first/why-take-the-exam/>, свободный

⁶ Режим доступа, <http://www.cambridgeenglish.org/>, свободный

⁷ Перевод мой – А. К.

Сопоставление положений о грамматическом минимуме в документах (Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному, второй уровень для ТРКИ-2, Кодификатор ЕГЭ и кодификатор Общеввропейской компетенции владения языком (CEFR) и Vantage) позволяет считать тексты для чтения ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) аналогичными.

Рассмотрев основные положения нормативных документов языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) раздела чтение, отметим:

1. учебный текст для чтения ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) сопровождается учебным текстом задания на множественный выбор, состоящим из семи или восьми стемов, одного правильного ответа и двух или трёх ложных;
2. структура и содержание языковых испытаний ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) в рассматриваемом фрагменте – раздел «Чтение», задания на множественный выбор – аналогичны;
3. тексты для чтения являются преимущественно художественными и публицистическими;
4. темы текстов отражают актуальные проблемы для кандидатов (взаимоотношения в семье и с противоположным полом, путешествия, современные технологии и прочие);
5. грамматический минимум ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) аналогичен;
6. соответствие учебно-дидактических экзаменационных текстов для чтения ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) уровню B2 по шкале CEFR определяется жанрово-стилистической и тематической принадлежностью, а также лексико-грамматическим минимумом.

Таким образом, можно констатировать, что языковые испытания ТРКИ-2, ЕГЭ и ПАС (FCE) являются подобными, а учебно-дидактические экзаменационные тексты для чтения, соответствующие уровню B2 по Шкале общеввропейской компетенции владения языком могут рассматриваться в рамках сопоставительного анализа.

Список литературы

1. Андрияшина Н.П., Макова М.Н. Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень. Общее владение. / Андрияшина Н.П., Макова М.Н. // — СПб.: Златоуст, – 2008. — С. 140
2. Балыхина Т. М. (2006). Что такое русский тест? Российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку. / Балыхина Т.М. // Москва, Русский язык. Курсы., – 2006.
3. Демо-версия ЕГЭ по английскому языку 2013г, режим доступа <http://www.ege.edu.ru/ru/main/demovers/>, свободный
4. Иванова Т.А., Попова Т.И., Рогова К.А., Юрков Е.Е. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Иванова Т.А. Попова Т.И., Рогова К.А., Юрков Е.Е. // — М. — СПб: “Златоуст”, – 1999. — С. 40.
5. Кодификатор ЕГЭ по английскому языку 2013г.
6. Кожевникова Л. А. Определение конструкта при составлении тестов по чтению для академических целей : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Кожевникова Л. А.// [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, – 2009. – 262 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-13/1639
7. Общеввропейские компетенции владения языком (Common European Framework of Reference — CEFR) — Общеввропейские компетенции владения языком: Изучение, преподавание, оценка. МГЛУ, – 2003, С. 256.
8. Спецификация ЕГЭ по английскому языку 2013
9. Alderson J.C. Assessing Reading / Alderson J.C. // New York: Cambridge University Press., 2000.
10. Council of Europe. The Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment, Cambridge: Cambridge University Press., 2001.
11. First Certificate in English: Handbook for Teachers for Examinations from December 2008. University of Cambridge. ESOL Examinations. Cambridge University Press., – 2007. – С. 88.
12. van EK J.A., Trim J.L.M. Vantage / van EK, J.A., Trim J.L.M. // Cambridge: Cambridge university Press., 2001.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И СУБКУЛЬТУРА

Гараева Л.М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
преподаватель кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов,
Института экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация

В статье рассматривается язык как культурная ценность профессионального языка и подязыка. Исследуются определения культуры в лингвистической парадигме.

Ключевые слова: язык, культура, культурная ценность, семантика слова.

Длительное время в зарубежной науке культура рассматривалась как слагаемое «из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других особенностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [10, 18]. Отечественная наука оперировала определениями культуры аксиологического плана, в которых именно ценность занимает основополагающее положение. Известное определение культуры П.А.Сорокина находится в рамках этой парадигмы: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть их единство и индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражает одну, и главную ценность» [7, 429]. При этом под культурной ценностью понимается «любой предмет, материальный или идеальный, предмет действительности или воображаемый, в отношении которого индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывают ему важную роль в своей жизни и стремление к обладанию им ощущают как необходимость» [12, 52]. В аспекте представленного исследования актуально определение культуры, сформулированное Дейлом Хаймсом, согласно которому культура есть всё, что нужно знать и понимать, чтобы вести себя приемлемо в общении с членами данного общества [14, 53].

Современная лингвистическая парадигма рассматривает язык как «символический ключ к культуре», в первую очередь, как продукт культуры и общества, и в качестве такового он и должен изучаться. Специалисты рекомендуют рассматривать эволюцию литературных языков и профессиональных подязыков «в контексте развития культур» [2, 582]. В наиболее концентрированном виде опыт народа откладывается в семантике слова, в его значении, всегда представлявшем немалый интерес для лингвистов. В современном языкознании кумулятивной функции языка придаётся немаловажное значение.

Вопрос взаимодействия и взаимовлияния общенационального языка и культуры привлекал внимание многих исследователей (Е.М.Верещагин, Д.С.Лихачёв, Ю.М.Лотман, М.М.Маковский, В.Г.Костомаров, А.Вежбицкая, Э.Сепир, З.К.Тарланов, В.Н.Телия, Б.Уорф, Vossler, W. Schmidt и многие другие). Вопросы соотношения языка и культуры активно ставятся и успешно решаются в рамках лингвокультурологии в докторских и кандидатских диссертациях, существует много различных трактовок культурного компонента. Н. Г. Комлев определяет культурный компонент как зависимость семантики от культурной среды [3, 192], Н. Бонвиллэн использует понятие «культурное значение» (cultural meaning), определяя его как «символические значения слов и то, как собеседники оценивают коммуникативное поведение, т.е. отношения и ценности» [13, 23]. Многие авторы, вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, используют понятие 'лексический фон' как своеобразную культурно-узуальную коннотацию слова: если понятие называет фрагмент действительности, то фон определяет место единицы в системе и употребление в речи [1,75]. Е.В. Самсонова говорит о национально-культурной специфике как «возможности интерпретировать значение единиц языка в категориях культуры, т.е. в терминах культурных стереотипов, ценностных установок, прескрипций народной мудрости, мировидения народа» [6, 8]. М. Шрёдер и У. Фикс выделяют центральные культурные признаки (das zentral Kulturelle), которые воспринимаются носителями определённой культуры как существенные для их культурной идентичности, и противопоставленные культурные признаки (das Gegenkulturelle), которые осознаются, но не воспринимаются носителями культуры как принадлежащие их культуре [11, 52]. В. Г. Костомаров подчеркивают закреплённость в единицах языка элементов объективной культурной реальности [4, 299].

В качестве единиц лингвокультурологии рассматриваются концепты (культурные концепты) – «основные ячейки культуры в ментальном мире человека», существующие в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека [8, 41]. Концепты замещают значения в индивидуальном сознании, суммируя в себе «отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.п.», и образуют в своей совокупности концептосферы как индивидуальной личности, так и определённой группы и народа в целом [5, 4 – 5].

Особую роль в аккумуляции культурного опыта народа играют прецедентные тексты, те тексты, которые хорошо известны представителям данной культуры. Установлено, что прецедентные тексты существуют в сознании носителей языка как лингвокультурные концепты, апелляция к которым производится в дискурсе путем упоминания, прямой цитации, квазичитации, аллюзии и продолжения.

Что касается описания взаимодействия некодифицированного компонента языка и соответствующей субкультуры, то оно только начинается.

Национальная культура реализуется в огромном количестве субкультур, в том числе профессиональных, внутри которых вырабатываются свойственные им символы, значения и нормы. Как правило, личность, следуя определённым правилам и нормам (в том числе и языковым), осознаёт себя частью определённой культуры и субкультуры. Под культурным самоопределением личности мы понимаем «определённые черты групповых образований, проявляющие себя в конкретной ситуации и тем самым относящие индивида к числу их представителей, а также осознание личностью своего места в спектре культур и деятельность, направленную на причисление себя к тому или иному образованию» [9, 43]. Культурное самоопределение личности направлено на осознание своей роли в качестве участника коммуникации в определённом микросоциуме, т.е. на развитие микросоциальной и микросоциокультурной компетенции. В любом социуме лингвокультурные образцы и социокультурные правила есть то, чему необходимо следовать, и то, чему хотят следовать. Использование лингвокультурных образцов и социокультурных правил есть усвоение определённых норм и ценностей, что обеспечивает социализацию индивида в определённом культурном социуме. Очевидно, что использование в речи единиц **Шорин** в значении *дух шахты*, **гробовые** в значении *последняя выплата, положенная шахтеру по выходу на пенсию, единовременное пособие в размере 0,3% от среднего заработка за трудовой стаж* есть вербализация культурного самоопределения русского горняка. Как видим, культурный компонент семантики языковой единицы зафиксирован эксплицитно: в первом случае именем собственным *Шорин*, а во втором – реалией, имеющей место исключительно в России.

«Профессиональные, цеховые, материально-деятельностные аргы максимально привязаны к быту, времени, месту, они передают дух эпохи и зависят от неё. В них мы найдем тончайшие нюансы быта, массу того, что называют историческим, «страноведческим» материалом. Это бытовые аргы. Они «пахнут» временем, за каждым арготизмом стоит культурный фон» [2, 591 – 592]. Например, **Жакуй!** поднимай *«Был такой бугор (бригадир) Петраков. Сел потормозить (пообедать) на затяжку (обрезок доски – элемент крепления кровли). <...> Тут из него вырвался крик сначала А-А-А-А!!!! потом ЖАКУЙ!!!!, ЖАКУЙ!!!!!»*. Шахтерский жаргон.

В некодифицированной части подъязыка, где внешняя и внутренняя цензура сведены до минимума, наиболее ярко и достаточно объективно фиксируется подлинная картина профессионального сознания, отражаются традиционные черты национальной ментальности: **белые каски** в значении *руководство (шахты)*, **съесть лаву** в значении *выработать лаву, извлечь из нее все запасы угля* есть вербализация культурного самоопределения русского горняка [15].

Концепты, вербализуемые в профессиональном подъязыке, суть своеобразные культурно-профессиональные гены. Они представляют собой как бы свернутые выводы, сделанные на основании функционально-производственной практики. Этносоциокультурная специфика поведения выявляется при сопоставлении стереотипов, характерных для тех или иных сообществ как носителей определённой субкультуры. Индивид вольно или невольно воспринимает этносоциокультурные стереотипы (взгляды, точки зрения, привычки, речевые клише и пр.) как образцы, которым необходимо соответствовать, чтобы быть «своим». Чем длительнее период пребывания в определённом профессиональном социуме, тем лучше и глубже индивид овладевает его подъязыком и субкультурой, тем явственнее в его поведении характерные для данного сообщества стереотипы. Стремление к определённому характерному типу, зафиксированному в сознании носителей, приводит к постепенному овладению нормами определённой субкультуры. Индивид не только соблюдает правила речевого поведения (например, профессиональные промышловики (горняки и нефтяники) говорят дОбыча, но не добЫча, рУдник, но не руднИк, трубопровОд, не трУбопровод), но и в общественной жизни действует согласно принятым нормам и условностям, которые, в свою очередь, влияют на речевое поведение. Очевидно, что в любом сообществе возможны допустимые и недопустимые акты. Однако во всех ситуациях его член, не стремящийся к протесту против данного сообщества, проявляя субкультурную компетенцию, действует таким образом, чтобы не оскорбить и не унижить других членов. При выходе за пределы субкультуры коммуникант, владеющий межкультурной компетенцией, действует в рамках определённой этнокультуры.

Список литературы

1. Верещагин Е. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентиемы. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

2. Елистратов В. Арго и культура // Словарь русского арго: Материалы 1980–1990-х гг.– М., 2000. – С. 574–692.
3. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 192 с.
4. Костомаров В.Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. К 70-летию В.П.Григорьева: Сб. науч.тр. – М., 1996. – С. 297–302.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.
6. Самсонова Е. В. Национально-культурный компонент экспрессивности (в языке австралийской художественной прозы): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 179 с.
7. Сорокин П. А. Система социологии. – М.: Наука, 1993. – Т. 1: Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления. – 447 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
9. Сысоев П. В. Культурное самоопределение личности как часть поликультурного образования в России средствами иностранного и родного языков // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 1. – С. 42–47.
10. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М., 1989.
11. Трошина Н. Н. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 6. Языкознание. – 2000. – № 4. – С. 50–56.
12. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологи: пер. с польск. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.
13. Bonvillain N. Language, Culture and Communication: The Meaning of Messages – New Jersey, 1997. – 227 p.
14. Hymes D. H. Essays In The History Of Linguistic Anthropology. – Amsterdam: Philadelphia Benjamins, 1983. – P. 47 – 68.
15. Шахтёрский жаргон.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://schaxtisk.fastbb.ru/?1-0-0-00000026-000-0-1--1>, свободный.

СЕКЦИЯ №24.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)

СЕКЦИЯ №25.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2014 ГОД

Январь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2014г.

Февраль 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2014г.

Март 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2014г.

Апрель 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2014г.

Май 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2014г.

Июнь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2014г.

Июль 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2014г.

Август 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития гуманитарных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2014г.

Сентябрь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Гуманитарные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2014г.

Октябрь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2014г.

Ноябрь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2014г.

Декабрь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития современных гуманитарных наук», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2015г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**Сборник научных трудов по итогам международной
научно-практической конференции**

**г. Ростов-на-Дону
2014г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 04.08.2014.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 550 экз. Заказ № 1318.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58